

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил НЕСТЕРОВ

СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ

КОМАНДАРМ

Михаил Альбертович Нестеров
Сталинский сокол. Командарм
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Сталинский сокол», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48788058
Сталинский сокол. Командарм:
ISBN 978-5-04-105913-2*

Аннотация

Гвардейская воздушная армия под командованием молодого генерала Северова на острие атаки! Несколько мощнейших ударов, нанесенных по объектам в Германии, в том числе и по ставке Гитлера, и беспримерная отвага бойцов Красной Армии приводят к капитуляции Третьего рейха.

Долгожданная победа!!!

Но для Северова война продолжается – его гвардейская армия обеспечивает десант на Японские острова и наносит поражение Императорскому флоту. Наступивший мир оказывается недолгим и непрочным – англосаксы, недовольные полученным «куском пирога», решают развязать Третью мировую, пока СССР не восстановил свою экономику и промышленность. Сумеют ли

наши армия, флот и военно-воздушные силы дать достойный отпор наглым агрессорам?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	40
Глава 3	70
Глава 4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Михаил Нестеров

Сталинский

сокол. Командарм

© Нестеров М., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Красная Армия начала мощное наступление севернее Берлина вдоль побережья Балтийского моря. Основные силы Вермахта были стянуты для обороны столицы, поэтому, несмотря на построенные солидные укрепления, оборона была прорвана быстро и с относительно небольшими потерями. Против ДОТов успешно применялись мощные боеприпасы, работали крупнокалиберная артиллерия и авиация. «Сталинские кувалды», долбившие в свое время линию Маннергейма, не менее эффективно справились с немецкими укреплениями.

На южном фланге части Красной Армии вошли в Грецию и Югославию, сопротивление немецких войск было слабым. Практически на глазах изумленных союзников в Артемиде и Агиос-Серафиме были высажены две бригады морской пехоты Черноморского флота, которые уже через несколько часов вошли в Афины.

Корпус уже давно получил приказ на очередное перебазирование на запад, так что придется после Ленинграда перебираться на новые места. Более подробную информацию Северов надеялся получить на базе.

Перед отлетом, разумеется, заехал в наркомат, представился Жаворонкову по случаю присвоения очередного звания. Семена Федоровича на награждении не было, только

Кузнецов присутствовал. В наркомате Северов узнал, что подписан указ о награждении участников боя у острова Лемнос. Все летчики получили звания Героев Советского Союза, адмирал Платонов так же, как и Северов, получил орден Ушакова 1-й степени. Каперанг Зиновьев и командиры эсминцев, а также командиры К-52 и К-53 были награждены орденами Ушакова 2-й степени. Каплей Ильичев стал капитаном 3-го ранга и Героем Советского Союза. Не забыли и команды, за отражение налета вражеской авиации и героическую борьбу за живучесть «Смоленска» Винтик и Шпунтик награждены орденами Славы 1-й степени, а Михалыч – орденом Красной Звезды. Стас Пампушкин был награжден орденом Красного Знамени, Северов за них искренне порадовался.

Корпус, а теперь армия, уже не был сосредоточен на базе под Ленинградом, там остались «научные» подразделения, вновь формируемые полки, которые вместе с уже имеющимися должны образовать новые дивизии и подразделения палубной авиации, обучающиеся на объекте «Платформа». Остальные части были переброшены на запад, где активно противодействовали вражескому судоходству в акватории Балтийского моря и готовились в ближайшее время заняться тем же делом в море Северном, а также наносили авиаудары по позициям немецких войск.

Авианосец «Севастополь» типа «Эссекс» был флотом получен и начал действовать в Атлантике, где его команда

и авиагруппа набирались опыта. Командовал эскадрой контр-адмирал Платонов, а авианосцем – каперанг Зиновьев. В состав эскадры входили пять новых эсминцев, а также четыре подлодки типа К, одна из них гвардейская К-51 капитана 3-го ранга Ильичева. Он готовил к управлению лодкой своего старшего помощника, а сам должен был заступить на должность командира бригады подплава особой эскадры. Лодки К-52 и К-53 готовились к переходу в Мурманск, так как вошли в состав Северного флота, сейчас их экипажи отдыхали, а субмарины проходили ремонт. «Севастополь» был гораздо крупнее «Смоленска», в его основе был так называемый длиннокорпусный «Эссекс», его полное водоизмещение составляло 38 тыс. тонн за счет изменений, оговоренных в проекте. Турбины мощностью 172 тыс. л. с. обеспечивали максимальную скорость в 33 узла, причем было особо оговорено, что такая скорость должна была обеспечиваться при полном водоизмещении (на стандартном «Эссексе» мощность турбин составляла 150 тыс. л. с.). Дальность хода составляла стандартные 15 тыс. миль при скорости 15 узлов. Артиллерийское вооружение было изменено под отечественные стандарты: 8×2-130 мм, 16×2-37 мм, 36×4-20 мм. Разумеется, корабль был оснащен полным набором самого современного радиоэлектронного оборудования, включая радары обнаружения воздушных и надводных целей, управления артиллерийской стрельбой и т. д. Авиагруппа составляла сто самолетов, в том числе три летающих радара Су-12Р

и три самолета радиоэлектронной борьбы Су-12РБ (специально разработанные палубные двухмоторные самолеты), срок восемь истребителей По-5, шестнадцать бомбардировщиков Су-6, шестнадцать торпедоносцев Су-8 и четырнадцать «морских» штурмовиков Ил-10М. Еще одним новшеством было наличие трех вертолетов Ка-2. Это были небольшие машины, которые могли, кроме пилота, брать на борт до четырех пассажиров, их предполагалось использовать для поиска и спасения экипажей самолетов. На подходе были более крупные вертолеты, которые предназначались для поиска и уничтожения подводных лодок и высадки десанта. Конструкторы-вертолетчики с удовольствием работали с Северовым еще со времен активного использования его подразделением автожиров. Сотрудничество было плодотворным, Миль, Камов и Братухин разрабатывали транспортные, ударные и морские машины, первые ласточки в виде Ка-2 пошли на войсковые испытания.

А вот с десантом вышла очередная пиллюля. Северов составил докладную записку о перспективах развития морского и воздушного десантов, об их тактике и вооружении, которое необходимо разрабатывать. Умник, кандидат наук, блин! Впрочем, Олег мог себя ругать сколько угодно, сделанного не воротишь. Получил то, что можно было предположить, да вовремя не подумал. Жаворонков объявил, что товарищ Сталин затеял очередную реорганизацию. На базе корпуса формируется гвардейская армия особого назначения, ГАОН,

подчиненная непосредственно Ставке. В нее добавили корпус морской пехоты, дивизию воздушно-десантных войск и бригаду спецназа военной разведки. Разумеется, их необходимо было сформировать и обучить, работайте, товарищ кандидат военно-морских наук! А чтобы товарищ Северов не заскучал от невеликости поставленных задач, в состав армии вошла также особая эскадра, ее командующий адмирал Платонов имел ранг заместителя командующего армией по морским делам. В состав эскадры входили две авианосные ударные группы (на базе авианосцев «Севастополь» и «Москва») со своими эсминцами и подводными лодками, а также судами снабжения. Планировалось также построить десантные корабли и даже вертолетоносцы. Ну да, Олег сам писал об этом в своих работах, кому же еще логично было дать такое поручение! «Смоленск» после ремонта переходил в разряд учебно-боевого корабля, он оставался пока на Черном море с перспективой перейти в Средиземное, да в Крыму вовсю велось строительство объекта «Платформа-2», новая база также входит в состав армии.

– Да ведь это комбинация кислого с мокрым! – ворчал Северов. – Не разорваться же мне!

– А чего ты мне об этом говоришь? – усмехнулся Жаворонков. – Иди к товарищу Сталину, ему объясняй! Проявил инициативу, получи! Да ладно, Олег, не переживай. Сам понимаешь, мы тебя не бросим. Флот кровно заинтересован в модернизации частей морской пехоты, формировании ча-

стей морских диверсантов, развитии палубной авиации. Мы во взаимодействии с Генштабом подобрали тебе самых толковых и боевых помощников, Василевский тоже нацелен на успех и будет тебе всячески содействовать. Хозяйство у тебя огромное, но на всех ключевых постах будут надежные люди, ты их, главное, направляй, а остальное они сделают. Гарантирую, ни одного случайного человека к тебе не попадет, за этим мы тщательно следим. И информируй о ходе работ и всех возникающих проблемах, если надо, подключимся немедленно и Василевского подтянем, он обещал.

– Но эскадра в составе армии, это же нонсенс!

– Товарищ Сталин пока не хочет подчинять авианосные группы какому-либо флоту, тем более что после окончания войны с Германией нам предстоит включиться в войну с Японией. Эскадра будет переброшена в Тихий океан, у тебя есть примерно полгода, чтобы закончить формирование и обучение морской пехоты и частей ВДВ. Строительство «Москвы» завершено, идут ходовые испытания. Наши экипажи всюду проходят обучение, американцы обещают передать нам авианосец и последние десять эсминцев не позднее конца апреля. К этому времени завершается подготовка летного состава и в Америку прибудут транспорты с самолетами и экипажи. Кстати, Зиновьев готовит старпома «Севастополя» к управлению кораблем, а сам примет «Москву». Часть специалистов со «Смоленска» и «Севастополя», подготовив себе замену, также перейдут на «Москву». Твои ор-

лы из авиагруппы «Смоленска» заняли командные должности в авиагруппе «Севастополя», передают опыт новичкам. Хотя какие новички, все с боевым опытом и десятком сбитых, если истребители.

– Я так себе скоро шею сверну, – вздохнул Северов. – С ума бы не сойти!

Генерал-полковник покачал головой:

– Мне вот сорок пять скоро, и я себя стариком не чувствую. А у тебя вся жизнь впереди! Живи и радуйся!

– Смерть легка, как перышко, а долг тяжел, как гора, – опять вздохнул Северов.

– Хорошо сказано! Сам придумал или услышал где?

– Это из кодекса самурая.

– Кстати! – оживился Семен Федорович. – Твои ребята три тарана в бою около Лемноса совершили, этот факт наша пресса скрывать не стала. Так вот японский военно-морской атташе Ямагучи сказал, что в твоих летчиках явно самурайский дух поселился! Уважительно очень о тебе и твоих орлах отзывался, вот так! Все, удачи тебе!

6 марта Олег прибыл на базу уже с новыми документами на должность командующего армией. Булочкин стал заместителем командующего по тылу, Синицкий – заместителем, а Вологдин – начальником штаба. Булочкин и Синицкий стали генерал-майорами, Вологдин – полковником. Беренс пока остался полковником, но тоже обещали повысить в звании. Олег вспомнил свой сон, где Петрович щеголял в

генеральской форме, и улыбнулся, сон в руку! Полковники Шестаков и Шелест стали командирами корпусов, Лев Львович – истребительного, Аркадий Германович – смешанного. Штаты снова изменились, ведь входившие в корпус авиapolки остались, но на их базе разворачивались авиадивизии – истребительная, ночная истребительная, бомбардировочная, штурмовая, транспортная. До полного штата формировались тяжелобомбардировочный и разведывательный полки. На вооружении последнего стояли, помимо собственно самолетов-разведчиков, летающие радары и самолеты РЭБ. В прежнем составе оставался минно-торпедный полк. Истребительные дивизии вошли в корпус Шестакова, остальные – в корпус Шелеста.

Звено связи было развернуто в эскадрилью при штабе армии. Подразделение состояло из четырех звеньев, и только одно из них летало на У-2Ш, остальные получили САМ-30. Северов не был знатоком истории авиации, но полагал, что в его прошлой жизни аналога этому самолету не было, по крайней мере он о таком не слышал. Легкий одномоторный самолет был спроектирован с учетом опыта работы над САМ-10 и САМ-25, а также зарубежного опыта (изучались, в частности, UC-64 Norseman и Fieseler Fi.156 Storch). Самолет имел очень комфортную отапливаемую кабину с хорошей обзорностью, двигатель АШ-22 (семицилиндровая звезда на базе АШ-62ИР) мощностью 500 л. с. разгонял легкую машину до 270 км/ч и обеспечивал крейсерскую скорость

220 км/ч и дальность 1850 км, перевозил до 6 пассажиров или 600 кг груза. Благодаря развитой механизации крыла разбег и пробег у машины были невелики. Кроме того, машина комплектовалась приличным набором радиооборудования. Северов отметил для себя, что надо обратить внимание на подготовку летчиков эскадрильи связи к полетам в сложных метеоусловиях и к ночным полетам, хорошее оборудование для слепых полетов теперь у них имелось.

Настя получила младшего лейтенанта и стала командиром звена САМ-30, она освоила этот самолет и теперь с удовольствием на нем летала, а звеном У-2Ш теперь командовала Надя Малинина, тоже ставшая младшим лейтенантом. Кроме того, девушек еще осенью 1943-го наградили медалями «За боевые заслуги». Эскадрилей связи командовала старший лейтенант Кошкина, Северову сказали про нее, что командир она очень строгий и требовательный, имеет награды.

На базе из командования армией остался только Булочкин, к нему и отправился Олег сразу по прилету. Петровича в штабе не оказалось, Северов принял рапорт дежурного и приказал подготовить информацию о размещении подразделений армии и их текущем состоянии, в первую очередь его интересовали потери. Сидел, читал последнюю сводку, как вдруг в комнату ворвалась живность. Рекс сразу полез на руки и стал лизаться, а Валера пристроился с другой стороны, ткнулся носом в ухо и завел-замурчал что-то, жалуясь на печальную жизнь без любимого хозяина. Хотя надо сказать,

что упитанность обоих наводила на мысль, что все тут у них было хорошо.

Потом появился и Булочкин, обедать они пошли к нему. Василиса была уже на восьмом месяце, но выглядела хорошо, нисколько не подурнела. Она накормила командиров вкуснейшим борщом и жареным судаком с вареной картошкой. Живность отиралась рядом и тоже была вознаграждена по случаю возвращения хозяина, ягд – мосолком, а Валера – рыбкой.

Петрович сообщил, что Михалыч, несмотря на несколько неподходящий для учебы возраст, потихоньку осваивал экстерном курс машиностроительного техникума, сдавал экзамены и зачеты, а перед самым убытием с базы сдал выпускные экзамены и защитил диплом. Вот так старшина Новоселов! Так что получил звездочки на погоны и теперь щеголяет техником-лейтенантом. Винтик и Шпунтик тоже учатся экстерном и хотят закончить в этом году. За своих боевых товарищей Олег искренне порадовался. А Шведова и Глазычева он обязательно должен сподвигнуть учиться дальше, им необходимо получить высшее техническое образование.

После обеда Петрович уехал по своим тыловым делам, а Олег снова пошел в штаб, где допоздна разбирался с делами своей теперь уже армии. Историей морской пехоты Северов в прошлой жизни специально не интересовался, поэтому фамилия командира корпуса морской пехоты генерал-майора береговой службы Орлова Сергея Петровича ничего ему

не говорила. Олег решил, что в той истории он или погиб раньше, или не смог показать себя должным образом. Службу морского пехотинца начинал в 1-й особой бригаде морской пехоты Балтийского флота, но начало войны застало его в отпуске на берегу Черного моря, где и пришлось остаться, формируя части морской пехоты. Тоже из молодых и ранних, войну начал капитаном, а генерал-майора получил несколько дней назад, после назначения командиром корпуса. Сергею Петровичу тридцать лет, недавно окончил академию, Кузнецов его очень хвалит, считает, что они с Северовым прекрасно сработаются. Олега вдруг посетила мысль, что Орлов вполне может оказаться таким же попаданцем, решил при встрече это аккуратно проверить.

Командир воздушно-десантной дивизии полковник Воронцов Владимир Иванович также Северову известен не был, а вот Героем Советского Союза был и полковника тоже получил несколько дней назад. И тоже недавно окончил академию. Интересно! А вот командира бригады спецназа подполковника Корнеева Максима Петровича Олег прекрасно помнил по деревеньке Алексашкино, этому обстоятельству новоиспеченный командарм искренне порадовался.

Перед самым отлетом из Москвы Северову вручили довольно толстый пакет от Василевского. Начальник Генштаба переслал аналитическую записку о состоянии разработок для морпехов и десантников, от десантных кораблей и самолетов до бронетехники. Получалось внушительно. Боль-

шие, средние и малые десантные корабли, суда на воздушной подушке, двух- и четырехмоторные транспортные самолеты, плавающие бронетранспортеры и бронетехника огневой поддержки, вертолеты. Многие идеи подал сам Северов в своих работах, а уж народ в разных КБ расстарался на славу. Конечно, до реальных воплощений еще далеко, но работа начинается. Да и зарубежный опыт, в первую очередь немецкий и американский, тоже изучают внимательно. Что ж, планы боевой подготовки новых соединений были разработаны, в том числе с учетом его идей, изложенных в докладных записках наркому ВМФ. Корректировать почти ничего не пришлось, все было утверждено еще в Москве, так что теперь оставалось проконтролировать исполнение да познакомиться с командирами новых соединений лично. Летный состав, предназначенный для формирования авиагруппы авианосца «Москва», усиленно тренировался на объекте «Платформа». Взлеты и посадки на палубу, полеты в сложных метеоусловиях и ночью, отработка нештатных ситуаций исходя из приобретенного опыта. Часть уйдет для пополнения авиагруппы «Севастополя», часть которой, в свою очередь, тоже перейдет на «Москву». Кроме того, в авиагруппу «Москвы» войдут все летчики, выжившие после боя у Лемноса. Всем им Северов верил, как себе, лучшие из лучших, самые опытные палубные летчики страны. Все, кого можно ввести в строй после ранений, пройдут врачебно-летную комиссию и восстановят навыки, впереди еще два месяца, успеют.

Для базирования авиаподразделений армии были выбраны хорошо оборудованные аэродромы на небольшом удалении от побережья. Основными базами являлись аэродромы Пютниц (недалеко от города Росток) и Багич (недалеко от Колобжега), а также несколько более мелких не столь хорошо оснащенных аэродромов, расположенных недалеко друг от друга. Это существенно облегчало работу гвардии подполковнику Аверину, командиру особой бригады, которую также было решено развернуть в дивизию. Был и еще один пункт, где базировались самолеты армии, это аэродром Бреслау. Именно на нем находились тяжелые бомбардировщики и также прикрывающие их ночные истребители. Проконтролировав учебу палубной авиации на объекте «Платформа» и формирование новых авиаполков, Северов 10 марта в сопровождении неизменного Тимофея Кутькина и живности на штабном С-47 и в сопровождении двух звеньев Яков и отправился к новому месту дислокации 7-го ГИАП, аэродрому Пютниц.

После преобразования из командира в командующего перед Северовым встала еще одна проблема. У командующего армией должен быть адъютант. Олег вполне обходился Тимофеем Кутькиным, за которым в бытовом плане был как за каменной стеной, к тому же ему помогал бессменный водитель Северова Арсений Самарин, тоже ставший старшим сержантом. Олег был ухожен, словно за ним присматривал целый взвод девушек. Но адъютант не мальчик на побегуш-

ках, подай, принеси, тащи чемодан. Это офицер, которого надо использовать для ответственных поручений, следовательно, человек опытный, даже пробивной, смелый и находчивый. Найти такого человека не так уж просто, но вполне возможно, вот только он будет старше командарма лет на пять, а то и больше. С другой стороны, иметь адъютанта надо, не просто так они придуманы. Этой печалью Олег ни с кем поделиться не успел, ситуация разрешилась сама собой. Прямо перед отлетом, за несколько минут до посадки в самолет, Северова нашел по телефону Жуков. Маршал прилетел в Ленинград по делам, с Олегом не пересекся, но как человек в таких делах опытный сразу сообразил, что с адъютантом у новоиспеченного командарма возникнут проблемы. Заместитель Верховного Главнокомандующего прямо спросил, нашел ли Олег себе адъютанта, а когда услышал отрицательный ответ, хмыкнул и сказал, что может порекомендовать. Северов не отказался, тогда Жуков хмыкнул еще раз и сказал, что этот человек сейчас к Олегу подойдет. Не успел удивленный командарм повесить трубку, как сзади раздалось:

– Разрешите обратиться, товарищ командующий?

Повернувшись, Олег увидел старшего лейтенанта лет двадцати трех – двадцати пяти. Одет он был в чистую, но весьма потрепанную шинель, шапка и сапоги тоже были, что называется, на последнем издыхании.

– Старший лейтенант Востриков, прибыл в ваше распоря-

жение.

Северов несколько секунд рассматривал старлея. Тот ему понравился, взгляд прямой, жесткий, да и сам он весь как сжатая пружина. Но и некоторая настороженность чувствуется, должность-то не самая популярная в армии, особенно среди тех, кто был на передовой.

– На какую должность идешь, в курсе?

– Так точно!

– Тогда бери вещи и подходи вон к тому самолету.

Вещей у старлея оказалось немного, только не очень толстый сидор. Экипаж самолета поприветствовал своего командующего, и от Вострикова не укрылось, что ребята действительно рады его видеть. Убранство салона поразило старшего лейтенанта до глубины души. Все очень удобно, чисто, тепло, нигде не дует, оборудованы два рабочих места с большими столами, несколько радиостанций моргают своими лампочками, настоящий воздушный командный пункт. Востриков даже застеснялся своего обтерханного вида среди такого немислимого по фронтовым меркам великолепия, ведь экипаж был одет в прекрасные зимние кожаные куртки, начищенные сапоги, чистые незаношенные бриджи. У всех были отличные кожаные перчатки и новенькие шапки, которые пилоты в самолете поменяли на удобные гарнитурные связи. Экипаж был несколько больше, чем на обычном С-47, добавились два оператора радиооборудования. Также в самолет залез старший сержант, сразу стало понятно, что

это ординарец командующего, так как он занялся укладкой вещей. Востриков отметил, что держался он без намека на развязность, просто спокойно делал свое дело, а когда снял шинель, то Старлей увидел боевые награды на его гимнастерке. Еще его внимание привлекла странная парочка в виде небольшой дворняжки с удивительно большими зубищами и взглядом прожженного энкавэдэшника и огромного серого кота весьма недружелюбного вида.

– Но-но! Отставить! – приказал Северов живности и снял реглан и шапку.

Востриков обнаружил две Звезды Героя и внушительный набор орденских планок на кителе командарма, Олег был в форме ВВС, поскольку в такую погоду предпочитал ходить в сапогах. Старлей тоже снял шинель, продемонстрировав два ордена Красной Звезды и две медали «За отвагу». И четыре нашивки за ранения, две золотые и две красные. Все расселись в удобные мягкие кресла, и самолет пошел на взлет. Востриков снова впечатлился, С-47 сопровождали целых восемь Яков.

Лететь предстояло довольно долго, в обход Прибалтики, где еще возилась немецкая группировка. Бензина у них практически не было, вероятность нарваться на вражеских истребителей была исчезающе мала, но Олег получил категорический приказ из Ставки – не рисковать, лететь через Белоруссию и Польшу при сильном прикрытии. Северов предпочел бы полететь на истребителе или хотя бы на «Хадсоне»

напрямую, но Ставка четко определила – в обход и на воздушном командном пункте. Пришлось подчиниться, к тому же так проще доставить Кутькина и живность, а теперь еще и адъютанта.

– Из госпиталя? – спросил Северов, отложив свежую сводку.

– Так точно, ранен при переходе линии фронта. Возвращались из поиска, на нейтралке меня вражеский пулеметчик и достал.

– Разведка, значит!

– Так точно, дивизионная.

– Ладно, не тянись, будь проще. Как зовут?

– Александр.

– А меня Олег Андреевич. Расскажи о себе.

– Окончил три курса института, учился на инженера-механика. Пока был студентом, подрабатывал, помогал гонять технику на ресурсных испытаниях. Ничего секретного, техника ленд-лизовская, но на фронт не пускали, бронь смог снять только в 1942-м. Неплохо владею немецким, да и спортом занимался, первый разряд по боксу, стрелял хорошо, поэтому взяли в разведку. Служил на Брянском фронте. Четыре ранения, из них два тяжелых, так что по госпиталям повалялся изрядно. После четвертого ранения встал вопрос о годности к военной службе, – тут старший лейтенант вздохнул. – Не знал, что делать, но генерал Лестев несколько дней назад сказал, что вопрос решит. Он меня помнит, в развед-

роту мою несколько раз приезжал. Я с ним после выписки из госпиталя в Смоленске случайно встретился. Позвонил он куда-то и велел мне в Москву ехать, в наркомат. А там со мной какой-то подполковник поговорил, про службу мою спрашивал и предложил мне к командующему армией особого назначения адъютантом пойти. Я, естественно, отказался, стал на фронт проситься. Тут дверь открывается, заходит маршал Жуков. Что, спрашивает, не соглашается? И говорит мне, кто с Северовым служил по-настоящему, никто еще об этом не пожалел, так что давай, соглашайся, скучно не будет. Я с перепугу и согласился.

«М-да, Георгию Константиновичу отказать трудно», – подумал Олег, а вслух сказал по-немецки:

– Скучно не будет, это точно. Занимаемся мы отработкой тактики применения новейших видов вооружения, сами же их испытываем и дорабатываем. Также выполняем особые задания Ставки. Про «Тирпиц» и «Шарнхорст» слышал? Про итальянский линейный флот? Наша работа.

– Так вы по морским целям работаете? – так же по-немецки спросил Востриков.

– Не только, – перешел обратно на русский Северов. – На море в том числе, а сейчас формируем части морского и воздушного десантов, спецназ военной разведки, части палубной авиации, работаем с новыми видами оружия.

При упоминании о военной разведке Александр повеселел, а командующий спросил:

– Ты сегодня ел что-нибудь?

– Не успел.

– Тогда можно перекусить.

Тимофей разложил на столе хлеб, сало, вареные яйца, из термоса с широким горлом выложил на тарелки картошку с мясом.

– А сам? – спросил Олег старшего сержанта.

– Я перед отлетом плотно заправился, пока вас ждал.

Живот у старлея давно подвело, последний раз ел еще вчера днем, да и то немного и всухомятку, так что приглашение поесть пришлось как нельзя кстати. Северов присмотрелся к своему адъютанту, парень очень голоден, но ест аккуратно, столовыми приборами пользоваться умеет. Явно из интеллигентной семьи, вряд ли всему этому на фронте научился.

Живность переместилась ближе к столу, но никто не нахальничал, воспитаны были строго. Перед перелетами Олег их не кормил, мало ли что, бывает и приличная болтанка. Валера и Рекс это знали, но попытались выморщить хоть немного, получили по кусочку сала и отправились на прежнее место, валяться в обнимку на мягких тюках. Александр ночь провел, сидя в вагоне поезда, неспешно идущего в Ленинград, но это было лучше, чем ничего. Так что на сытый желудок сморило быстро, но Северов все правильно понял и велел устраиваться в кресле в конце салона, которое старлей разложил с помощью Кутькина и сразу выключился, проспав даже посадку.

Следующая порция удивления случилась, когда Александр обнаружил полк, построившийся для встречи командующего. Улыбающийся Северов поздоровался и распустил строй, летчики и техники сразу окружили Олега, жали руку, спрашивали о здоровье.

– Генерал в начале войны в полку комэском был. Чем бы потом ни командовал, полк всегда в состав входил, с его летчиками он всегда летает. С комдивом полковником Ларионовым он с первого дня войны. Все, с кем он тогда начинал, Герои и дважды Герои Советского Союза, в его армии разными частями командуют.

Все это неспешно рассказывал Кутькин, укладывая вещи в «Додж» с помощью водителя, с которым дружески поздоровался.

– А это старший сержант Самарин, зовут Арсений, водитель командующего. Мы оба с товарищем Северовым еще с Африки.

– С Африки? – удивился Востриков. – А что вы там делали?

– Олег Андреевич в особой миссии наркомата обороны работал. Он еще Роммеля в плен взял, неужели не слышал?

– Слышал, конечно, просто не подумал, что это он был.

– Он. А мы с Арсением у него после Африки и остались. И не жалею!

Северов тем временем закончил общаться с личным составом, пообещав рассказать о новых делах поподробнее за

ужином, и подошел к машине.

— Александр, как разместимся, иди в вещевую службу, приоденут они тебя. А то как Гаврош выглядишь! — тут Северов засмеялся. — Но это еще ничего, меня в 42-м при выписке из госпиталя еще чище обрядили, шинель обрезанная и ботинки с обмотками. И это зимой. Пока к месту назначения добирался, чуть не околел от холода. Да, и оружие получи. Все по полной программе, пистолет, автомат, нож. Чего не понятно, у Тимофея или Арсения спрашивай.

Так началась служба теперь уже гвардии старшего лейтенанта Александра Вострикова в хлопотной должности адъютанта командующего гвардейской армией особого назначения. Вещевая служба выдала прекрасно сшитую повседневную форму, а также полевую. Оружие Александр получил тоже новое, причем об этих образцах он раньше слышал, но в руках держать не приходилось. В разведроту ждали новое оружие, но Востриков попал в госпиталь раньше, чем оно поступило. «ТТ» уступил место новой совместной разработке Токарева и Макарова под названием «ТМ-43», очень совершенный пистолет с двухрядным магазином на 15 патронов, причем мало кто знал, что после войны предполагался переход на парабеллумовский патрон 9х19. При его разработке был учтен опыт проектирования и эксплуатации «ТТ» и «ТТ-М», изучены Walther P-38 и PP, Browning HP, Colt M1911A1. После войсковых испытаний стало ясно, что пистолет удался не только с точки зрения характеристик, но и

надежности и технологичности в производстве. А на калибре 9x19 категорически настаивал Северов, мотивируя недостаточным останавливающим действием патрона «ТТ» 7,62x25, а также тем, что производственные мощности Третьего Рейха и окрестностей достанутся победителю, так что этот удачный патрон можно будет производить без проблем. В дальнейшем можно рассмотреть переход на более мощный патрон 9x21 и другие калибры, но это именно в дальнейшем. Сталину такой прагматический подход всегда нравился, и он Северова поддержал. Автомат «АКС-43» под промежуточный патрон 7,62x40 получился сразу очень удачным, сделали кое-какие доработки по результатам войсковых испытаний и запустили в серию. Производство только разворачивают, делают еще очень мало, но сюда идет в первую очередь.

Еще одним откровением для бывшего командира разведроты было питание. Считалось, что летуны питаются лучше простой пехоты, но здесь это превзошло все ожидания. Всезнающий Кутькин объяснил, что ничего удивительного нет, просто зам по тылу армии генерал Булочкин мехом внутрь выворачивает за любые махинации со снабжением и прекрасно организует подсобное хозяйство. Да и поваров находит специально, вот повар при штабе, Давид, в части с 42-го года.

Александр опасался, что к его адъютантскому положению будут относиться с известной долей иронии, но пока никто ничего подобного себе не позволял. Более того, Востриков

был удивлен атмосферой, царившей в подразделениях армии. С одной стороны, к командарму относились, как положено относиться к начальству, с уважением и почтением. С другой стороны, это не было дистанцией, привычной для той же пехоты. В небе что младший лейтенант, что генерал могут быть одинаково сбиты, и жизнь генерала напрямую зависит от того же лейтенанта. В то же время для летчиков Северов был не просто летающим командиром, он был своим в каком-то особом смысле этого слова. Старший лейтенант поделился своим наблюдением с Кутькиным, который авторитетно заявил:

– А как же иначе? Вот возьмем 7-й ГИАП. Он же здесь многих летать учил, ну в смысле воевать с умом. Или ночные истребители, там у командира своя машина есть, он же их и формировал. Да и другие подразделения тоже. Конечно, он им свой, а не просто летающий командир! И чем бы ни командовал, всегда потери небольшие, а результаты хорошие. Опять же снабжение. Булочкин – зверь-тыловик, он войну командиром БАО начал, а комдив Аверин – командиром роты охраны. Они с командующим с довоенных времен вместе. Кстати, Булочкин и Аверин в прошлом в разведке служили, так что свои боевые ордена они не по тылам зарабатывали, вернее и по тылам тоже, вражеским. Про авиационную спасательную службу слышал? Ее тоже Северов с Ларионовым придумали, еще в начале 42-го года внедрять стали. Многие этой службе жизнью обязаны! А еще наш командующий

в 41-м году генералов Снегова и Петровского от смерти и плена спас! Из вражеского тыла вытащил! Это не сказки, сам увидишь, как они к нему относятся.

Утром следующего дня после прилета на Пютниц Востриков увидел, как из прилетевшего небольшого ладного связного самолета выскочила девушка-пилот и бросилась командующему на шею, а он ее обнял и крепко поцеловал.

– Настена прилетела, – прокомментировал Тимофей. – Невеста командующего, поженятся они скоро.

Этой встречи Северов ждал с некоторым волнением, все-таки сложно у них с Настей отношения выстраивались, но девушку словно подменили. Она снова стала такой, какой была до командировки Северова в Африку, тихой и ласковой, как кошка. Весь день Северов крутился как заведенный, Настя тоже два раза летала по разным объектам, а вечером после ужина пошла и помылась в бане. Тимофей уже принес ее немудреные пожитки в комнату, где расположился Олег, так что после бани девушка отправилась туда же. В доме было тепло, и Настя сняла куртку, оставшись в одном довольно коротком халатике. Северов сидел за столом и что-то писал, когда она зашла в комнату. Олег несколько долгих мгновений разглядывал ее, потом встал, шагнул навстречу и подхватил на руки. Халат полетел на пол, а Олег положил Настю на кровать и принялся нежно целовать лицо, шею, грудь, живот. Девушка вдруг всхлипнула.

– Ой, это я от счастья! Какая же я дура была, ревновала,

плакала по ночам! А счастье совсем рядом было!

Утомонились они далеко за полночь, Настя прошептала, что быть настоящей женщиной — это здорово, и заснула, а Олег еще какое-то время лежал, улыбаясь своим мыслям, и тоже незаметно заснул.

Живность появление нового жилья восприняла спокойно, Настю Валера и Рекс знали, да и она относилась к ним очень хорошо, а животные это чувствуют. Окружающие тоже восприняли все как должное, попытки командира ухаживать за Настей давно были замечены. Оставалось узаконить отношения, но здесь были некоторые сложности. В принципе, зарегистрировать брак было можно, например в Ленинграде. Но Северову не хотелось, чтобы Сталин обиделся, Иосиф Виссарионович любил поучаствовать в личной жизни некоторых своих подчиненных, а на отношение к нему Сталина грех было жаловаться. Поэтому он решил провести регистрацию брака в Москве, а замечать это или нет, пусть Иосиф Виссарионович решает сам. Разумеется, Насте Олег ничего этого объяснять не стал, просто сказал, что хочет такое событие обставить поторжественнее.

Но сейчас было не до рефлексий по поводу свадьбы. Пришлось помотаться по аэродромам, где базировались авиаполки, летать на базу под Ленинградом, которая теперь официально называлась база ГАОН № 1 «Ржевка», пару раз слетать в Крым, на строящуюся недалеко от Севастополя базу ГАОН № 2 «Бельбек». В Крыму Олег обнаружил вездесущего Бу-

лочкина. Руководители строительства носились как наскипидаренные, а Петрович, поздоровавшись, показал Северову на бетонный блок.

– Ты посмотри, что творят, поганцы! – с этими словами Булочкин хряпнул кулаком по блоку, который немедленно раскрошился. – Один песок! И здесь воруют, сволочи!

На этот раз маканием в раствор дело не кончилось и хищениями занялись компетентные органы. Но неугомонный Петрович контролем строительства не ограничился. Во-первых, он сразу озаботился бытовыми проблемами будущих сотрудников базы и настоял на капитальном строительстве жилого комплекса с полноценным водоснабжением и канализацией, а также подсобного хозяйства. Во-вторых, такие же работы неспешно, но методично, начал на базе «Ржевка». Война заканчивалась, надо было думать о будущем. Ожидать в ближайшем будущем увеличения количества авианосцев в ВМФ СССР не приходилось, поэтому в значительном повышении объемов подготовки палубных летчиков нет необходимости. А героически преодолевать трудности, которые можно устранить, Булочкин не любил. Северов уже обратил внимание, что условия проживания личного состава на новых местах в Германии и Польше очень приличные: спят на чистых простынях, баня не реже раза в неделю, всегда имеется теплая вода для того, чтобы технический состав мог нормально помыться после грязных работ. Словом, все как было заведено раньше, но в масштабах армии.

Вместе с командующим крутился и его адъютант. Требовалось постоянно готовить какие-то подборки документов, карты, хорошо еще, что не приходилось думать о бытовых мелочах, этим занимался Тимофей. Впрочем, эти бытовые мелочи, вернее, их отсутствие, могли существенно осложнить жизнь, но старший сержант на этом собаку съел, так что у Северова всегда под рукой были смена белья, нужная форма, бритвенные принадлежности и все такое. Столько летать Вострикову за всю жизнь не пришлось, а тут помотался. Да и ездили много. За рулем «Доджа» командующего сидел неизменный Самарин, по категорическому требованию Ставки их машину сопровождали как минимум еще один «Додж» и бронетранспортер с отделением ухорезов из осназа АСС, орлы Гладышева. На их тренировки старший лейтенант уже насмотрелся и проникся уважением.

Кругом было беспокойно. Польша всегда славилась разбродом и шатаниями. Вот и сейчас бродили отряды АКовцев, нападали на отдельных военнослужащих и небольшие отряды, портили железные дороги. Тут же шастали, правда, существенно реже, отряды немецких диверсантов и даже какое-то украинское националистическое отребье. Последние еще и воевали с поляками всех мастей, так что бардак был знатный. Ничего, скоро придет большой дядька и порядок наведет, а пока приходилось принимать повышенные меры безопасности, тем более что опыт был, финнам-то в свое время жизнь осложнили основательно. К сожалению, полк

НКВД подполковника Эклунда только готовился к передислокации, так что пока обходились сами. Тем более что на крупные, хорошо охраняемые объекты нападений практически не было, да и на дорогах не сказать, что было ни проехать, ни пройти.

Этот тихий солнечный мартовский день Вострикову запомнился хорошо. Приехал он с командующим на полевой аэродром, с которого действовали штурмовики и истребители. Северов провел небольшое совещание, поставил задачи на ближайшее время, выдал несколько ЦУ и поехал дальше, на другой такой же аэродром. Как водится, именно в этот момент в трансмиссии БТР что-то тренькнуло и железный ящик остановился. Ремонт должен был занять несколько часов, а планы у командующего были грандиозные, так что Северов принял решение двигаться на двух «Доджах», а БТР должен догнать их позже.

Поехали. Впереди раздались несколько разрывов, похоже, стреляли из минометов, судя по звукам – километрах в двух. Поехали дальше и выбрались из реденького леса. Сначала внимание Олега привлекла группа военнослужащих в странной пятнистой форме, которая носилась по полю метрах в трехстах от дороги, то ли ловили одного из них, то ли, наоборот, убегали. Время от времени раздавались нечленораздельные вопли, злобные и горестные одновременно. Неподалеку была размещена часть, похожая на противотанковый артиллерийский полк, на развилке дорог стояли несколько

офицеров и следили за разворачивающимися на поле маневрами.

После остановки Востриков успел выскочить раньше командующего и шепнуть старшему по званию, невысокому стройному майору, кто приехал.

– Что это у вас тут происходит? – поинтересовался Олег.

– Товарищ командующий, – давясь от смеха сказала майор, – у нас тут идет ликвидация последствий вражеского обстрела. Доложил начальник штаба 529-го истребительного противотанкового артиллерийского полка майор Прытов.

Взглянув на перекошенные от попыток сдержать хохот лица трех других офицеров, Северов строго сказал:

– Майор, объясните нормально! Что тут за комедия?

Не в силах больше сдерживаться, артиллеристы заржали, как кони. Майор извинился и, давясь от смеха, пояснил:

– Какие-то клоуны обстреляли расположение из двух минометов. Стреляли вон из того леса, но минометчики, видимо, совсем никакие, мины легли здорово в стороне. Но в этой стороне наш начхим был, когда стрелять начали, он укрытие заметил и бросился туда. Аккуратный такой ровик, глубиной около метра.

На этих словах у артиллеристов случилась натуральная истерика, а майор продолжил:

– Там раньше нужник был, но саму постройку то ли взрывом унесло, то ли местные разобрали. В общем, он туда по шею погрузился, но его бросок мы заметили. Обстрел кон-

чился, пошли ребята его вызволять. Только достали, а из леса еще несколько выстрелов, да близко от этих спасателей. А куда им деваться, туда же и скакнули.

Стало понятно, что никакой у них не камуфляж.

– Начхим ваш, похоже, сейчас как раз по специальности занят. А бегают-то зачем? Тут не проветривать, а мыть надо.

Артиллеристы рыдали, а майор кое-как выдавил:

– Решают, кто виноват...

– Ладно, – сказал Северов, – ваш полк мне не подчиняется, так что со своим фекальным карнавалом разбирайтесь сами. Да, и отправьте их мыться побыстрее. Преследование противника организовано?

– Так точно! Да их сразу ликвидировали почти всех, только несколько человек ушли, так мы лес прочесываем.

Поехали дальше, временами усмехаясь, но скоро стало не до смеха. На небольшом аэродроме недалеко от Лешно Северову пришлось задержаться, поскольку на нем оказался один из командиров авиационных дивизий, с которыми непосредственно приходилось взаимодействовать ГАОН. Вострикова Олег отправил с поручением на аэродром подскока, используемый истребителями Ларионова. На одной машине Северов его не отпустил, поехали на двух «Доджах», а с генералом остался Кутькин, он его никогда не покидал, исключение могли составлять только боевые вылеты.

Какой умник решил расположить банно-прачечный пункт без всякой охраны, пусть следствие разбирается. Банда

АКовцев, человек около двадцати, вырезала всех, да и были там одни женщины. Такие вещи наши никогда не прощали, а тут поляки сами сделали подарок, видя малочисленность подъехавших русских, а было авиаторов всего шесть человек на двух «Доджах», убегать не стали, решили кончить и этих тоже. Вот тут и оценил бывший командир разведроты выучку своих новых сослуживцев.

Самарин и четыре штабиста из второго «Доджа» мгновенно переместились из машин за деревья и неплохо отстрелялись по нападавшим, а затем бросились врукопашную. У всех оказались отличные боевые ножи, а Арсений и капитан из второй машины успели схватить лопатки. Справившись с секундным замешательством (все-таки опыт, два года в разведке), Александр двумя выстрелами из пистолета свалил высокого поляка с английским пистолетом-пулеметом в руках (его Востриков идентифицировал по боковому магазину, но название не вспомнил, то ли брен, то ли стен), отбил нож бросившегося к нему второго бандита и врезал ему своим коронным хуком слева. Поляк рухнул как подкошенный, а у старшего лейтенанта появилась возможность осмотреться. Двигались его коллеги просто фантастически, словно перетекали из одного положения в другое, при этом вражины валились, кто с перерезанным горлом, кто с ножом в глазнице. Двое поляков, по всему не рядовые бойцы, успели юркнуть за кусты и побежали от места, где в считаную минуту был уничтожен их отряд. Востриков не раздумывая бросил-

ся следом, все нападавшие должны быть уничтожены, других вариантов нет. Поляки бегали неплохо, да и места были им знакомые, но Александр был слишком хорошо тренирован, чтобы они могли оторваться. Заметив, что их догоняет всего один человек, да еще с ножом в руке, АКовцы остановились и с улыбкой разошлись в стороны. Один из них вытащил нож, другой – приличных размеров кинжал. Стрелять они не хотели, чтобы не привлекать внимание.

– Ну что, москаль... – начал было один.

Но старший лейтенант не стал устраивать танцы вокруг этих уродов, не останавливаясь подскочил к ближайшему. Отбил удар кинжалом и, продолжая движение, вонзил нож под нижнюю челюсть и, не останавливаясь, шагнул ко второму. В глазах поляка плеснулся страх, но Александр ушел от его удара ножом и пробил в кадык, вывернул нож из ослабевшей руки и воткнул бандиту в глаз. Контроль первого, готов, конвульсии, лезвие достало до мозга. Вытащил свой нож, тщательно вытер об одежду еще дергающегося врага, быстро проверил обоих на предмет документов. В карманах никаких бумаг не было, только всякая мелочовка типа зажигалки и перочинного ножика. Карта и какие-то бумаги оказались у одного из них в полевой сумке, Северов взял ее и легко побежал обратно.

– Ты куда подевался? – капитан, фамилию Саша не помнил, а звали его Василием, бросил внимательный взгляд на Вострикова.

– Все нормально, двое уйти пытались. Вот их сумка с документами, посмотрите.

– Вот что, – строго сказал Василий. – Ты так больше не делай, с нас же командующий шкуру спустит.

– Больше не буду! – без тени улыбки ответил адъютант. – Извините, ребята, привычка.

– А у нас тут «язык», – Самарин показал на поляка, которого нокаутировал Востриков. – Тоже разведка постаралась.

– Экспресс-допрос делать умеешь? – прямо спросил капитан. – Приходилось в рейдах фрицев потрошить?

Приходилось делать всякое, хотя Александр честно ответил, что сильно глубоко дивизионная разведка не ходила, а «языков» старались захватить и привести. Так что в экспресс-допросах он специалист небольшой.

– Понятно. Тогда смотри. И имей в виду, во-первых, эти бандосы ни разу не пленные вражеские солдаты. Во-вторых, даже если бы они были вражескими солдатами, за такие дела зачищают в ноль, без вариантов.

В компетентности этих ребят Востриков не сомневался, через десять минут все было кончено.

– Что, Саша, впечатляет с непривычки? – усмехнулся Василий.

Поблудневший Востриков энергично кивнул. Сообщил поляк немного, но все, что знал. Банда действовала самостоятельно, с другими такими же несколько раз пересекались, но кто и как организовывал встречу, обычный боевик

не знал. Базировались в деревне неподалеку, на карте все показал.

Когда подъехали вызванные по рации сотрудники СМЕР-Ша, живых уже не было, все документы были собраны и сложены в небольшую кучку. Рядом сложили оружие нападавших. Быстро уладили формальности и поехали дальше.

— А ты молодец, — сказал капитан адъютанту командующего. — Два года в разведке — хорошая школа. Я за тобой наблюдал. И хук слева у тебя очень неплох, только чувствуется, что ты еще толком не оклемался, свободы движения нет. Я тебе несколько упражнений покажу, будешь делать каждый день хотя бы по четверть часа. Должно помочь. А вообще, присоединяйся к зарядкам и тренировкам. Работай в своем режиме, себя не насилуй. Мы-то привычные, хотя сначала некоторым тяжело приходилось. Но инструкторы у нас такие орлы, козу на велосипеде ездить научат!

Слушая все это, Александр просто обалдел. Оказывается, тут штабных гоняют всерьез, ничего себе авиаторы!

Глава 2

Минно-торпедный полк, базирующийся на аэродроме Багич, активно работал по немецкому судоходству. Управляемые планирующие бомбы и самонаводящиеся торпеды работали очень эффективно, немцы мало что могли им противопоставить, тем более что активность вражеской авиации была серьезно снижена, в том числе из-за отсутствия топлива. Да и повыбили ее основательно. Обычными боеприпасами работали тоже очень неплохо. Базировавшийся здесь же полк ночных истребителей регулярно вел поиск вражеских самолетов, но и ночники Люфтваффе летали мало.

Тем временем войска генерала армии Петровского, наступающего по кромке Балтийского моря, вплотную подошли к Шверину и Висмару. Войска генерала армии Конева довольно успешно наступали на юго-западе Польши и в Словакии и уже вошли в Чехию. Темпы наступления были существенно ниже, сказывался менее удобный рельеф местности, да и выучка войск была не столь высока. Между ними находились войска генерала армии Рокоссовского, который приостановил наступление на Берлин, но активно укреплял фланги своего фронта, прикрывая наступление войск генералов Петровского и Конева.

Помимо мотаний по своим объектам Северов находил время для полетов. Женя Цыплаков еще не долечился, по-

этому в качестве ведомых с ним летали разные молодые пилоты, хотя пару раз со словами «вспомню молодость» слетал Владлен Железнов. Раза два-три в неделю Олег поднимался в воздух на Пе-5МР с неизменным штурманом наведения гвардии капитаном Лариным. Каждую ночь в воздух поднимался летающий радар, так что контроль воздушной обстановки был полный, куда не добивали радары наземные, доставал летающий. Одновременно с этим подразделения радиоэлектронной борьбы портили жизнь вражеским связистам и операторам РЛС. В целом получалось неплохо, по крайней мере их попытки радиоэлектронного противодействия на наши системы влияли меньше, частоты советских РЛС были существенно выше.

В разъезды и разлеты для посещения своих подразделений Олег брал Рекса. Кот был изрядным домоседом, а ягдтерьер с удовольствием перемещался вместе с хозяином, да и перелеты переносил совершенно спокойно, умудряясь дрыхнуть без задних ног даже в самую жестокую болтанку. Отоспавшись в самолете, все остальное время ягд бдел. Знаменитый следопыт товарищ Карацупа со своим Ингусом по сравнению с ним выглядел бы весьма расслабленно. При этом он был малозаметен, не лез на глаза, но любой подошедший к Северову человек находился под его постоянным надзором. Заметившие эту особенность люди подшучивали, что телохранитель командующего чрезвычайно бдителен, но мелковат (ежик зверь сильный, но легкий). Шутки кончи-

лись, когда 22 марта Рекс проявил себя во всей красе.

Северов со своим обычным сопровождением (два «Доджа» и БТР) ехал на полевой аэродром, куда перебазировался один из штурмовых авиаполков. Олег был озабочен тем, что линия фронта, сама по себе рваная из-за высоких темпов наступления, была еще и плохо обозначена, так как ситуация постоянно менялась. Авиа-наводчики в передовых частях должны были работать просто виртуозно, чтобы исключить удары по своим войскам. Впереди двигался штабной автобус какой-то пехотной части, на развилке дорог стоял грузовик, около которого находились несколько военнослужащих. Один из них, с красной повязкой на рукаве, остановил автобус, что-то сказал водителю и направил его по боковой дороге. Когда авиаторы подъехали к перекрестку, автобус уже отъехал метров на сто. Офицер с красной повязкой в звании капитана посмотрел на колонну машин и отвернулся. В принципе, ничего необычного, перемещается часть, офицер регулирует движение, направляя отдельные автомашины и колонны по нужной дороге.

Командующий ехал во втором «Додже», поэтому, когда первый остановился, решил, что ребята уточняют маршрут. Хотя чего уточнять, понятно, что ехать надо прямо.

– Александр, узнай, чего встали?

Востриков выскочил из машины и направился к офицеру-регулирующему, которому что-то толковал один из штабных работников, уже неплохо знакомый адъютанту Василий.

– Здравия желаю, – поздоровался Александр с капитаном. – Василий, командующий спрашивает, почему встали.

– Да вот, пытаюсь выяснить, что дальше с дорогой. Помнишь, вчера после танковой колонны ехали? Эти бегемоты мост уронили. А впереди два мостика, вот я и хочу узнать, целы ли они.

Тем временем капитан, не слушая авиаторов, направился ко второму «Доджу». Услышав о командующем, он бросил быстрый взгляд за спину, там началось неторопливое движение, отделение автоматчиков тоже двинулось ближе к технике. Офицер подошел ко второй машине, разглядывая ее пассажиров. На Северове была кожаная куртка на меху, полевые бриджи без лампасов, так что на вид мог быть каким-нибудь младшим офицером, например адъютантом или порученцем. С другой стороны, он сидел впереди, где обычно находится самый большой начальник, да и Кутькин на заднем сиденье на командующего явно не тянул.

Капитан снова бросил быстрый взгляд за спину и не спеша, с мягким украинским выговором произнес:

– Помощник начальника штаба 768-го стрелкового полка капитан Гапоненко. Направлен для регулирования движения автоколонн полка. Передислоцируемся, това... Аууыыы!

Пока он произносил эту фразу, отделение автоматчиков, находившееся около их грузовика, разошлось на несколько шагов в стороны, руки у всех и так лежали на оружии. Дальше все произошло очень быстро, действия пошли на отрабо-

танных за войну рефлексам.

Капитан еще не закончил говорить, автомат, висевший на его груди, еще не до конца развернулся Северову в грудь, когда мирно сидевший сзади Рекс вдруг вымахнул из машины и одним большим прыжком достал капитана, цапнув за правую руку, лежавшую на автоматной ложе. Как потом оказалось, указательный палец ему сломал! В следующее мгновение он уже вцепился ему в пах. Вой, который исторг капитан, был слышен, наверное, в Берлине. Олег пригнулся за переднюю панель, Тимофей с водителем шустро выпали из автомобиля, а пулемет на бронетранспортере выплюнул длинную очередь, срезая начавших стрелять солдат. С секундной задержкой начали стрелять Кутькин с Самариным и офицеры из второго «Доджа». Александр тоже упал на землю, пуля обожгла правый бок, но он, не обращая на это внимания, выхватил пистолет и открыл огонь по вражеским диверсантам. Лжекапитан вопил так, что перекрывал грохот выстрелов, а Северов вывалился наконец из машины и обнаружил, что выстрелы стихли, в живых остался только «капитан Гапоненко», продолжавший выть на всю округу. Подскочивший Востриков вырубил его ударом в челюсть, а Северов принялся отцеплять Рекса, отдав приказ охране в бронетранспортере:

– Быстро догоните автобус, его направили в засаду. И свяжитесь с аэродромом, пусть СМЕРШ вызовут.

А сам подумал, что его орлы стали работать на диво

успешно. На отсутствие реакции вроде никогда не жаловался, а тут даже пистолет достать не успел, как все уже кончилось. Генерал решил, что надо Гладышеву и его ребятам благодарность объявить, а то мог бы и сам, как Ватутин в той истории...

Автобус догнали до того, как он подъехал к месту засады. Также остановили батальонную колонну мотопехоты, силами которой организовали прочесывание местности. В результате отряд диверсантов численностью более тридцати человек (с учетом уничтоженных у перекрестка) был ликвидирован полностью. Единственным оставшимся в живых был «капитан Гапоненко». Большинство диверсантов оказались украинскими националистами, многие служили в подразделениях «Бранденбург-900» и «Нахтигаль». Этот отряд немало крови попортил нашим контрразведчикам и попался, в общем, глупо. Если бы Северов ехал минут на пять позже, скорее всего они бы успели уйти и штабной автобус захватить. А так вражеский командир пожадничал на хорошую добычу. Ликвидация вражеского командующего – дело большое, но, даже если бы все удалось, ушли бы немногие.

Через пару дней на аэродром заехал Забелин, он как раз исполнял очередное поручение Берии в полосе фронта, был недалеко, заскочил ненадолго. Олег угостил Владимира Викторовича обедом, немного поговорили. Во время разговора Рекс сидел рядом и пас Забелина.

– Не подчиненные у тебя, товарищ генерал, а башибузуки

какие-то, — покосился на него Владимир Викторович. — Того и гляди горло перегрызут за один косой взгляд. Или отчекрыжат чего.

— Могут! — в тон согласился летчик. — Это еще кота рядом не было, а то бы их там в фарш разобрали.

Орлов сказал, что, как бы ни уходил в себя «капитан Гапоненко», его уже опознали, дел за ним числится вагон и маленькая тележка. Так что его признания или их отсутствие ничего не меняют, враг матерый, идейный, вот только ядовитой слюной ему сейчас давиться затруднительно, Рекс его качественно огорчил, не до того бедолаге.

Северов, в свою очередь, рассказал, что получил нагоняй из Ставки за то, что опять ввязался в перестрелку с погоней и резьбой боевыми ножами. Дескать, не мальчик уже, целый генерал и командарм, пора и остепениться. На это Олег ответил, что ему, вообще-то, двадцать три года, солидности ни в одном глазу. Сказал, конечно, не так, но Иосиф Виссарионович разозлился и ответил, что, если Северов не образумится, он его в Москве оставит и дальше Ленинграда не пустит. Вот так и поговорили. Забелин покачал головой и сказал, что с Верховным не спорят.

С этим нельзя было не согласиться, и Северов завел разговор о том, что у немцев имеется много разных важных наработок, потерять которые просто преступно. Для этого необходимо сформировать несколько спецгрупп, которые бы не давали немцам уничтожать свои научные центры и имею-

щиеся там образцы, захватывали бы в плен их ученых. Намекнул на Пенемюнде и Вернера фон Брауна, на реактивные двигатели и самолеты с ними, на строящиеся подводные лодки XXI серии с очень хорошими характеристиками. Да и в других областях разработок хватало. Забелин сразу посерьезнел, задал несколько уточняющих вопросов. Уезжая пообещал, что непременно этим займется и наверх до кого надо доведет. Кое-что уже было известно, но далеко не все, а вот идея специально захватывать почему-то в голову не приходила. Думали просто повнимательнее смотреть за тем, что и так оказалось наше. Тем более что бежать из Германии особо некуда, разве что специально в Англию плыть или лететь, а это тема скользкая.

Перед тем как попрощаться, Северов продвинул еще одну тему. Трофейную. Из прошлой истории ему было известно, что некоторые «товарищи» волокли из Германии и не только добро возами и вагонами. Неплохо бы соответствующим органам за этим делом присмотреть. К слову упомянул, что, пользуясь авторитетом уважаемых людей, типа Жукова, потащат барахло, а отвечать будет тот же маршал, хотя этот шмурдяк ему даром не нужен. Забелин принял к сведению, тема была актуальной.

В одну из мартовских ночей Олег с Сашей Лариным едва не погибли. Работа военного летчика вообще опасна, и дело не только в том, что тебя могут сбить. ВВС – страна чудес, давно сказано. Могут ухудшиться погодные условия, в само-

лет может попасть птица, может случиться отказ или поломка, которую никаким осмотром заранее выявить невозможно, да много чего может произойти. И одно дело, если что-то произошло на высоте, достаточной, чтобы выпрыгнуть с парашютом. Другое, если это произошло на взлете или посадке. А уж работа ночного истребителя середины 40-х годов сложна и опасна вдвойне.

Олег, заходя на вражеский ночной истребитель, все рассчитал правильно, но вмешался случай. Немецкий стрелок что-то увидел в ночной тьме и наугад дал короткую очередь с совершенно запредельной дистанции. И ведь попал, гаденыш! Прямо в левый двигатель. Радар немца был забит помехами, так что уйти удалось, система пожаротушения тоже сработала неплохо, пожара удалось избежать. Правда, целый час пилили к своему аэродрому на одном двигателе, но дошли и нормально сели.

Наконец прибыл полк НКВД, волкодавы Эклунда принялись зачищать окрестные леса, и не без успеха. По крайней мере, активность немецких диверсантов, АКовцев, местных бандосов и прочего отребья пошла на убыль весьма основательно. К тому же Эклунд качественно производил зачистки в населенных пунктах, так что попытки днем изображать мирных тружеников, а ночью браться за оружие удавались плохо.

Беренс, мотавшийся по аэродромам, принес известие о том, что Северова наградили орденом Ленина «за большой

вклад в развитие военного искусства, разработку новой техники и успехи в борьбе с нацистской Германией и ее сателлитами». Кроме того, немало солдат и офицеров наградили недавно учрежденными медалями. Олег получил медали «За оборону Москвы» и «За оборону Ленинграда». Такими же медалями были награждены Булочкин, Новоселов, Глазычев, Шведов и многие другие. Настю и Надю Малинину снова наградили медалями «За боевые заслуги». Были также награжденные медалями «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя». На награждение никуда выдергивать не стали, прилетел генерал-лейтенант береговой службы Иван Васильевич Рогов, заместитель наркома ВМФ. Конечно, торжественности приема заместителя наркома на базе «Ржевка» достичь было нереально, но ритуал был соблюден, Рогов снова остался доволен. Награжденных не собирали в одном месте, поэтому генералу пришлось по аэродромам помотаться. После окончания своей миссии он заехал к Северову и поблагодарил командующего армией за организацию службы. Гвардейская армия особого назначения наркомату ВМФ уже не подчинялась, но контакт был тесный, морская составляющая была велика, так что Рогов не просто так присматривался.

Олег наконец встретился с командирами корпуса морской пехоты, дивизии ВДВ и бригады спецназа. Штаб корпуса морской пехоты располагался в Сестрорецке, а его подразделения – от Сертолово до Терийоки. Генерал-майор бере-

говой службы Орлов Сергей Петрович на вид вполне соответствовал своему тридцатилетнему возрасту, но человека опытного, серьезно повоевавшего выдавали жесткий взгляд и ранняя седина на висках. Был он крупным черноволосым мужчиной ростом около ста восьмидесяти пяти сантиметров и весом под сто килограммов, но это была не полнота, а хорошо тренированная мышечная масса. Начальник штаба и заместители оказались ему под стать, судя по приличному набору наград тоже воевали много и не без успеха. Вид командующего армией если их и несколько удивил, то они это никак не обозначили, знали, под чем подписывались. Северов осторожно прощупал его на предмет «коллеги-попаданца», но, судя по всему, просто имел место талант, не сумевший раскрыться в другом варианте истории. Скорее всего, до больших должностей Орлов там просто не дожил.

В корпусе Олег пробыл четыре дня, облазил все и остался доволен. Никто не расслабляется вдали от фронта, боевая учеба идет в напряженном темпе. Северов просветил командование корпуса, что работы по специальности в этой войне им, скорее всего, не будет. По крайней мере, в масштабе корпуса, речь идет о войне следующей и очень недалекой. Сергей Петрович сообразил сразу, нейтрально поинтересовался про обстановку на Тихом океане, проследил за реакцией командарма и удовлетворенно кивнул. Сам Северов тоже оттянулся на славу. В полевой форме и с полной выкладкой прошел полосу препятствий, пострелял из пистолета, авто-

мата и пулемета, размялся в нескольких учебных рукопашных схватках, продемонстрировал владение ножами и лопаткой. И, надо сказать, на командование корпуса впечатление произвел. До этого он был просто даровитым командиром, отличным летчиком и все такое. Но теперь показал уровень, который однозначно определил его как своего. К сожалению, поступление новой боевой техники, предназначенной именно для десантных подразделений, ожидалось нескоро. Воевать с японцами придется с имеющимся сейчас вооружением, которое было намного совершеннее известного Северову из прошлой жизни, но обладало одним существенным недостатком. Оно не плавало! Из плавающих образцов были только самоходные минометы калибром 82 мм и 120 мм, зенитная спарка 12,7 мм и бронетранспортеры с пулеметами в башне. Выросли они из плавающего танка Т-40, но после второй модификации мало его напоминали. Первая модификация позволила разместить новое вооружение, но механическая начинка и нижняя часть корпуса остались почти без изменений. Вторая модификация, появившаяся довольно быстро, но совсем недавно запущенная в серийное производство, была совсем другой машиной. Внешностью она напоминала известный Олегу МТ-ЛБ. Новая машина была немного шире и существенно, в полтора раза, длиннее, чем Т-40. Подвеска была тоже торсионной, но двигатель поставили дизельный, мощностью 300 л. с., доведенный до ума В-4, а вот коробка была новой. Вообще, удобству управления при

разработке новых образцов уделяли значительное внимание. Конечно, до общего уровня того же МТ-ЛБ эта машина недотягивала, все-таки их разделяло двадцать лет развития науки и техники, но для 1944 года новый бронетранспортер был очень хорош. Зенитная спарка отличалась крышей, поскольку башня была смещена к середине корпуса, и собственно башней. А самоходные минометы представляли собой БТР без крыши, в кузове которого и был установлен миномет. Все это только начинало производиться, первые экземпляры направили в корпус на войсковые испытания. А вот разработка плавающего танка и иных средств усиления (плавающие САУ) была еще в процессе. Не были пока готовы даже плавающие автомобили-амфибии, да и просто грузовые автомобили, сравнимые с американским студером, пока отсутствовали. По сравнению с известной Северову историей структура ленд-лиза была иной, после 1942 года почти не поставлялись танки, самолеты и иное вооружение, зато поставлялись заводы «под ключ», оборудование для электростанций и т. д. В частности, были закуплены лицензии на производство Studebaker US6, GMC CCKW, Chevrolet G506 и Dodge WC-51 вместе с заводами, но требовалось время для строительства заводских зданий и коммуникаций, монтажа и пусконаладочных работ. Северов знал также, что проектируется амфибия по типу DUKW-353 и Ford GPA, лицензии на их производство решено было не закупать. Так что, к великому сожалению, через полгода, когда должны начаться воен-

ные действия против Японии, ничего этого не будет. Однако была у Олега надежда, что неразрушенная промышленность Германии и других стран, куда вступит Красная Армия, существенно поможет в этом вопросе.

Личный состав корпуса морской пехоты был укомплектован людьми повоевавшими, новичков не было. Наиболее перспективных сержантов доучивали на краткосрочных курсах, присваивали младших лейтенантов и ставили на должности командиров взводов. Поскольку этот процесс был запущен еще осенью 1943 года, то сейчас корпус был частично укомплектован такими офицерами. Уровень рота-батальон также занимали офицеры с боевым опытом, которым дали подняться на ступень выше, разумеется, если они проявили себя должным образом – не боящимися ответственности, умеющими беречь личный состав, не теряющимися в сложной обстановке. Попасть в корпус было не так просто, желающих было достаточно, и отсев был велик. Зато развернувшаяся боевая учеба показала, что корпус будет представлять собой очень серьезную силу, разумеется, после завершения боевой подготовки.

Из корпуса Олег улетал в хорошем настроении. Командование оказалось профессионалами высокой пробы, с реальным боевым опытом и без закидонов на тему собственной крутизны великой. Контакт с генералом Орловым и его замами был полный, к тому же они уже ощутили на себе заботу со стороны Булочкина. Он активно помогал с обустрой-

ством и налаживанием мелких бытовых мелочей, питанием и снабжением.

Следующим в планах было посещение воздушно-десантной дивизии полковника Воронцова. Штаб дивизии находился сначала в Гатчине, но Олег переместил его на базу. Один из полков также находился на базе, два других – около поселков Рахья и Токсово. Ситуация с ней была похожа на корпус морской пехоты. Комплектование участниками боевых действий, формирование командного звена с обучением на курсах, интенсивная боевая учеба. Парашютная подготовка была слабым звеном, поэтому командир транспортной авиадивизии полковник Баранов практически ежедневно выделял самолеты для отработки прыжков с парашютом. Общение пошло по накатанной с морпехами колее. Полоса препятствий, стрельбы, рукопашка, прыжок с парашютом. Командование дивизии Олегу тоже понравилось, такие же спокойные профессионалы своего дела, прошедшие войну. Настроение, и без того хорошее, стало еще лучше.

Бригаду спецназа подполковника Корнеева Олег оставил напоследок. Здесь «идентификация» не требовалась. Из ребят, действовавших в Африке, в бригаду вошли почти все, кто к этому времени остался в живых. Так что довольно много людей знало Северова лично. А располагалась бригада в районе Луги. Максим Петрович встрече был рад, было о чем вспомнить, было что рассказать о тех, кого сейчас с ними не было. Северов снова облазил полигоны, посмотрел на

жизнь-бытьё личного состава и остался доволен. В бригаде нет ни одного новичка, действительно лучшие представители разведки разных уровней, от полкового и выше. Отдельно обсуждали подготовку морских диверсантов и противодействие им. В бригаду вот-вот должны были поступить новейшие разработки отечественного ВПК – акваланги и подводные буксировщики, а также мины. Обещали довести до ума подводные автоматы и пистолеты, но тут дело почти не двигалось. Идею акваланга Северов нагло ввернул Бергу ещё в 1942 году, разумеется, в виде незрелой идеи. И вот нашёлся человек, который ее реализовал. Берг говорил, что разработки для подводного плавания выделены в отдельное направление, куда входят не только различные технари, но и медики, биологи и другие специалисты. На Черном море при базе № 2 начато строительство целого комплекса для испытаний оборудования, а также подготовки подводного спецназа.

Ещё одним новшеством стало специальное витаминизированное питание, апробировать которое было решено в бригаде спецназа. Северов в прошлом году случайно узнал про Ленинградский филиал Витаминного института, порылся в памяти и предложил разработать комплексы витаминов для лечения раненых и для военнослужащих в условиях интенсивных нагрузок. Естественно, никаких конкретных решений, только идея, но люди из ВНИВИ были настоящими профессионалами и все поняли сразу. И вот, спустя всего несколько месяцев, пришла опытная партия препара-

тов. Быстро наладить производство синтетических витаминов нереально, поэтому, помимо данной задачи, было проведено изучение природных источников этих полезных веществ. Как понял Олег, сейчас поступила добавка на основе женьшеня. Что ж, дело важное и нужное, чем раньше начали, тем быстрее будет получен результат.

В начале апреля Северов вызвали в Ставку с отчетом о текущем состоянии дел в армии и дальнейших перспективах. Для подготовки Олег запросил в Генштабе и наркомате ВМФ целую кучу данных, которые предоставили без каких-либо вопросов.

2 апреля в 22 часа генерал Северов ожидал в приемной вызова в кабинет к Сталину. Олег знал, что Поскребышев увлекается рыбалкой, поэтому привез ему прекрасный набор блесен и лесок, конфискованных орлами Корнеева у пленного немецкого оберста и пролежавших без дела больше полугода. Александр Николаевич сдержанно поблагодарил за подарок, но было видно, что он им очень доволен. Наконец последовало приглашение в кабинет.

В нем находились Жуков, Василевский, Мехлис, Кузнецов и неизвестные Олегу гражданские.

– Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий! Командующий гвардейской армией особого назначения генерал-майор Северов по вашему приказанию прибыл!

– Здравствуйте, товарищ Северов. Скажите, как вы оцениваете готовность подразделений армии к боевым действи-

ям?

– Все авиационные подразделения, кроме группы авианосца «Москва», участвуют в боевых действиях. Вновь формируемые подразделения в них не задействованы и интенсивно занимаются боевой подготовкой. Авиагруппа «Москвы» в количестве ста пятидесяти самолетов завершает цикл обучения. Готовы по получении приказа вылететь для несения службы на корабле. По корпусу морской пехоты. Легкое вооружение получено, идет комплектование тяжелым вооружением, окончание поставок запланировано на конец мая, график выполняется. Десантных кораблей нет, и когда будут, неизвестно. Отрабатываются действия без выхода с техникой на необорудованный берег. Могу предположить, что в качестве трофеев нам достанется некоторое количество немецких быстроходных десантных барж, которые могут рассматриваться в качестве малых десантных кораблей, собственно, их и надо взять за основу.

– Заказы на постройку десантных кораблей на наших предприятиях размещены?

– Товарищ Сталин, – взял слово один из неизвестных Северову гражданских, – предприятия загружены до предела. Размещение заказа возможно только в ущерб выпускаемой продукции.

– А вы учитываете, что война близится к концу и что номенклатура выпускаемой продукции тоже должна меняться?

– Но ведь план...

– Хорошо, обсуждать сейчас мы это не будем. Я поручаю товарищу Кузнецову разобраться с этим вопросом в части его касающейся. А товарищу Устинову мы поручим проработать этот вопрос в целом и внести предложения по изменениям планов. Продолжайте, товарищ Северов.

– По воздушно-десантной дивизии. Легкое вооружение получено, с тяжелым картина аналогичная, даже хуже. Сроки войсковых испытаний новой техники для ВДВ обозначены не ранее начала 1945 года. В настоящее время идет отработка десантирования и тактики действий. Боевая учеба проходит в полном соответствии с ранее утвержденными планами.

– Вы делали заявку на формирование нового полка в транспортной дивизии. Ставкой принято положительное решение, но, в соответствии с вашей докладной запиской, в полк будет поступать новая техника. Транспортно-десантные самолеты большой грузоподъемности, разработка которых завершается, к вам они поступят для войсковых испытаний. Правда, мне не совсем понятна ваша позиция по объемам их выпуска. Почему такие скромные цифры?

– Товарищ Сталин, это переходные модели. В ближайшем будущем поршневые двигатели будут заменяться на реактивные. К этому надо быть готовыми. Задел по транспортным машинам не пропадет, на основе опыта их конструирования и эксплуатации будут разработаны новые, гораздо более мощные модели. То же и по стратегическим бомбарди-

ровщикам. А вот по фронтовой авиации вопрос сложнее, гораздо больше отличий.

– Вы хотите сказать, что не имеет смысла тратить деньги на машины, которые скоро устареют и будут подлежать замене следующим поколением?

– Так точно. Кроме того, война кончается, а машины мирного времени и военного времени также отличаются. Нет необходимости максимально упрощать производство для массового выпуска в ущерб характеристикам. Да и квалификация летчика, тщательно подготовленного в спокойной обстановке, гораздо выше летчика ускоренного выпуска в условиях войны. Плюс, естественно, переход на новый уровень и, как следствие, резкое повышение боевых качеств. Нет необходимости выпускать многие тысячи машин.

Сталин кивнул, видимо, снова услышал то, что хотел.

– Вот видите, товарищи, командующий армией думает об экономической составляющей войны, а некоторые из вас – нет! Для чего эти грандиозные планы по выпуску новых самолетов, если они безнадежно устареют уже через несколько лет? Нам с большим трудом достаются эти средства, а вы предлагаете пустить их на ветер! Товарищ Вознесенский, я поручаю вам проанализировать предложения министерств и внести коррективы. Продолжайте, товарищ Северов.

– По бригаде спецназа военной разведки. Укомплектованность легким вооружением и автотранспортом достаточная. Ведется боевая подготовка в соответствии с утвер-

жденными планами. Единственный вопрос – оснащение роты подводных диверсантов. Акваланги, подводные буксировщики и мины обещают дать в течение этого года, а вот по подводному оружию даже сроки неизвестны.

Сталин выразил удовлетворение состоянием дел и всех отпустил, а когда стали выходить в двери, вдруг сказал (Северов даже непроизвольно вздрогнул):

– А вас, товарищ Северов, я попрошу остаться.

«Штирлиц, блин! А что, если... Да ну, не может быть!»

Иосиф Виссарионович последнее время много думал о том, что же будет после войны. Он был реалистом и понимал, что совместная победа над Третьим Рейхом и Японией ничего принципиально в позиции США и Англии по отношению к СССР не изменит, скорее наоборот. Раздувать пожар мировой революции или рассчитывать на то, что рабочее движение в развитых странах сможет кардинально изменить их политику, по меньшей мере глупо. Что остается? Открытое противостояние? А кто наши союзники? Великая Монголия? Хорошие ребята, но в существующем раскладе сил малозаметные. Понятно, что страны, куда ступила нога нашего солдата, должны оказаться в сфере влияния СССР, но и тут не все просто. Делиться своими размышлениями и сомнениями Верховный Главнокомандующий пока ни с кем не собирался, а вот послушать людей, которые могли предложить что-то новое, было бы полезно. И тогда Сталин вспомнил о Северове. Этот совсем молодой человек неоднократно

привлекал его внимание своими идеями, причем не только в сугубо военной области. Поэтому Иосиф Виссарионович решил поговорить с ним, задать вопросы и послушать ответы, вдруг наведет его на нужные мысли.

– Товарищ Северов, война подходит к концу. Вы всегда смотрели далеко вперед, не может быть, что не думали об этом недалеком будущем. Каким вы его видите, я имею в виду не армию, а послевоенную Европу?

Олег был озадачен, скрыть это было трудно. Сталин улыбнулся:

– Говорите свободно, мне интересно мнение человека, который уже вступил на землю Германии. Вы пообщались с Роммелем, результат оправдал наши ожидания. Вы предположили наличие заговора и даже назвали одну фамилию. Сразу могу сказать, что вы не ошиблись ни в том, ни в другом. Поэтому я хочу знать, что вы думаете о послевоенном устройстве.

«Эх, нырять, так до дна! А вдруг Сталин мне поверит и после войны кое-что пойдет иначе? Ради этого стоит попробовать!»

– Да, товарищ Сталин, я, конечно, думал об этом. Но все-таки я военный человек, полнотой информации не располагаю, поэтому мои мысли могут оказаться... хм, наивными, что ли. Рассчитывать на то, что коммунисты смогут получить поддержку безоговорочного большинства населения во всех странах, нельзя. И давить тоже нельзя. Поэтому надо

консолидировать вокруг них все дружественные нам политические силы. С нами многие готовы работать, но не все эти люди – коммунисты, и многие никогда ими не станут, но я считаю, что при правильном подходе они принесут огромную пользу нашему общему делу.

– При правильном подходе?

– Каждый человек себя определенным образом позиционирует в этом мире. Они не готовы работать по принципу «куда Родина пошлет», как это часто бывает у нас. Но если мы сможем обеспечить их привычной для них работой, в соответствии с их желаниями, да еще отметим их успехи, они горы свернут. Есть вещи, в которых я уверен. Законы развития общества так же объективны, как и законы развития природы, и если мы их еще не познали, это не значит, что они не работают. Попытка противоречить объективным законам будет иметь очевидные последствия, к сожалению, в обществе они проявляются не сразу. Если морковь тащить за ботву, она не созреет раньше положенного времени. По факту наша страна находится во враждебном окружении, поэтому нам важна даже нейтральная позиция других стран, а если это страна с большим промышленным потенциалом, если это страна в непосредственной близости от наших границ, да еще есть шанс сделать ее нашим союзником, то это надо делать. Построение коммунизма на сегодняшний день не является ближайшей задачей, поскольку сначала надо завершить строительство социализма. Причем не только в СССР,

но и в странах, являющихся нашими ближайшими союзниками. Но социализм – это не только промышленный потенциал, не только определенный уровень жизни, это еще и воспитание граждан наших стран, соответствующие общественные отношения, поддерживаемые на сознательном, а не палочном уровне. А на это требуется время. С учетом того, что нам необходимо восстанавливать разрушенное войной хозяйство, что кроме этого предстоит заниматься повышением уровня жизни населения, излишнее давление в вопросах социалистического строительства, особенно в конституционных монархиях Бенилюкса, Дании и Норвегии, считаю большой ошибкой. В Германии, Чехословакии, Венгрии и других странах Восточной и Центральной Европы курс на построение социализма, мне кажется, будет воспринят правильно. Но их переход к социалистическому хозяйству привнесен извне, поэтому имеет смысл сначала в большей степени, чем в СССР, развивать коллективные формы собственности. А в странах Западной Европы можно сохранить конституционные монархии, своих королей и королев там любят, они сохранили доверие населения, отказавшись сотрудничать с нацистами. Там прекрасно понимают, что мы можем взять, что захотим, но предлагаем взаимовыгодное сотрудничество, не унижая их достоинство и не нанося ущерб их экономике. Думаю, они это оценят. Помните, как у Тютчева? «“Единство, – возвестил оракул наших дней, – быть может спяно железом лишь и кровью...” Но мы попробуем

спаять его любовью, а там увидим, что прочней...»

Сталин молчал, он не спеша подошел к окну и смотрел в него, иногда чуть заметно покачивая головой.

– «Из переполненной господним гневом чаши кровь льется через край, и Запад тонет в ней. Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! Славянский мир, сомкнись тесней...» – наконец тихо продекламировал Иосиф Виссарионович и опять замолчал.

– А ты веришь в победу коммунизма? – вдруг спросил Сталин через несколько минут, и Северов поразился огромному напряжению в его голосе.

– Верю, товарищ Сталин! – как можно тверже ответил Северов. – Но понимаю, что жить при коммунизме, как бы мне этого ни хотелось, вряд ли придется. Моя боевая задача – сделать все, чтобы приблизить это время. Это ведь как на войне, каждый хочет дожить до победы, но не всем это суждено. И все это понимают, но наша вера в победу от этого меньше не становится. Мы на этой вере от Москвы до Берлина дошли!

Сталин принялся ходить, держа в руках пустую трубку. Это продолжалось несколько минут, после чего Иосиф Виссарионович спросил:

– По твоей оценке, сколько лет мы будем строить коммунизм?

– Даже приблизительно не знаю, товарищ Сталин, – честно ответил Олег. – Я даже не знаю, сколько лет мы социа-

лизм будем строить.

– А разве мы его уже не построили? – прищурился Сталин.

– Я думаю, что социализм – очень емкое понятие. И как общественный строй имеет несколько стадий. СССР сейчас находится на первой стадии его строительства. И этот процесс будет длительным, особенно если иметь в виду послевоенную разруху и построение социализма не в одной отдельной стране, а формирование системы социалистических стран. И это является важнейшей задачей, ведь мировой капитал не будет просто наблюдать за нашим развитием. Я вижу следующие факторы, которые необходимо учитывать при формировании стратегии развития СССР. Во-первых, мир вокруг нас меняется быстро и кардинально. Ведущие капиталистические страны сделали выводы из «Великой депрессии» и пересмотрели свое отношение к построению общества. Классики марксизма не могли предусмотреть почти сто лет назад, что пролетариат как класс просто исчезнет и сама теория обострения классовой борьбы останется в прошлом.

– Как это может быть?

– Очень просто. Капиталисты нашли способ переформировать пролетариев в мелких собственников. Кто такой пролетарий? Это человек, который не владеет средствами производства, которому нечего терять, кроме своих цепей, и так далее. Достаточно выпустить акции предприятия и дать некоторую часть его работникам. Все, они уже мелкие соб-

ственники. Но это еще не все! Нельзя забывать научно-технический прогресс. При чем здесь он? Какова была доля промышленных рабочих в населении, скажем, Великобритании во второй половине XIX века? И какова сейчас? Она неизменно падает, и этот процесс будет продолжаться. Доля населения, занятая в материальном производстве и сельском хозяйстве, скоро будет очень мала, думаю, пять-десять процентов.

– А чем же будут заняты все остальные?

– Сфера услуг! На одного с сошкой давно уже не семеро с ложкой, а все семьдесят. Каково же влияние на общественную жизнь столь незначительной части населения? Кстати, такое количество работников сферы услуг избыточно, поэтому будут предлагаться все новые услуги, а также искусственно сформированные ценности. В общественное сознание будут внедряться нужные мысли – например, что каждый человек должен иметь своего адвоката, психолога и так далее. Но это создает и проблемы, государство этот процесс не регулирует, поэтому будут и безработные, и обиженные, и разорившиеся, и быстро разбогатевшие. Есть еще одна сторона медали. Думаю, что в недалеком будущем начнется размещение производств ведущих компаний в других странах, имеющих существенно более низкий уровень жизни. Какой смысл? Получение прибыли, ведь люди там будут с энтузиазмом работать за гораздо меньшую заработную плату. И еще одно соображение. Сейчас США имеют самые

большие запасы золота в мире, правильнее сказать – больше, чем все остальные, вместе взятые. Сейчас действует система, основанная на «золотом стандарте», но в результате Второй мировой войны четко определилась страна, получившая в ней наибольшую прибыль. Это США, поэтому логично в ближайшее время формирование новой финансовой системы, где доллар станет мировой валютой. Тогда они должны организовать новые структуры типа международного банка и международного фонда, задачей которых станет выдача кредитов на государственном уровне. А по факту это будет инструмент США для разрушения и подчинения экономик других стран, захвата новых рынков сбыта и так далее. Я не экономист, я просто прогнозирую некоторые процессы, которые логично вытекают из создавшейся ситуации.

– Не экономист он! – проворчал Сталин. – Продолжай, раз начал. Что у тебя во-вторых?

– Еще немного из предыдущего пункта. Отношение развитых стран к нашему государству вовсе не определяется тем, что мы строим общество другого типа. Это отношение к России как таковой, вспомните конец XIX века и начало XX, разве тогда нас больше они любили? Гадили, как могли! Вспомните – Россия имеет только двух союзников, это ее армия и флот! Актуально и сейчас! Во-вторых, такие изменения в мире требуют адекватной оценки со стороны теоретиков марксизма. Тезис о дальнейшем усилении классовой борьбы надо снимать и заменять новыми, отвечающими со-

временным реалиям. Когда говорилось о дальнейшем углублении кризиса капитализма и резком ухудшении материального положения широких масс трудящихся, западными политиками и экономистами еще не были найдены пути выхода из «Великой депрессии», Америка еще не стала ведущей экономикой капиталистического мира. В обозримом будущем обнищания их трудящихся не будет, как раз наоборот. Они будут жить все лучше и, фактически, превращаться в средний класс. Но это вопрос идеологии, здесь я также не силен. В-третьих, приоритеты развития нашей страны видятся следующими. Наряду с идеологической борьбой жизненно необходимо дальнейшее совершенствование хозяйственного механизма. Основная часть населения развитых стран живет неплохо, и уровень их жизни будет только возрастать. Их это устраивает и терять не хочется. Мы должны демонстрировать преимущества нашего строя, которые заключаются в лучших социальных гарантиях для всех граждан нашей страны. Уверенность в завтрашнем дне, это дорогого стоит! А для этого необходимы огромные средства, наша промышленность должна быть очень эффективной. Товарищ Сталин, мир меняется, и мы должны адекватно реагировать, иначе нас просто задавят. Ведь когда развитые страны боролись с «Великой депрессией», мы явили пример другого пути развития, успешный пример, из-за этого на нас и натравили Третий Рейх.

Сталин снова замолчал и продолжал ходить по кабинету,

на этот раз молчание длилось минут десять.

– Почему ты все время твердишь, что не занимаешься и не хочешь заниматься административно-хозяйственными вопросами?

– Товарищ Сталин! Я военный человек и хочу им остаться! Дело не в карьере, с этим у меня все, даже не знаю, как сказать... Правильнее, наверное, сказать – удивительно. А смена деятельности... Взять сталь и дерево. Сталь прочна, но хорошо проводит тепло и электрический ток. Дерево гораздо менее прочное, но тепло проводит плохо, а электрический ток не проводит. Что из них лучше? А это смотря для чего! Вот и свойства человека, которые хороши для одного дела, плохи для другого. Я готов выполнить приказ, но не все приказы есть смысл отдавать.

Сталин внимательно смотрел в глаза Северову, снова знаменитый «взгляд тигра», но Олег выдержал его один раз, выдержал и второй. Иосиф Виссарионович снова улыбнулся и с неожиданной теплотой в голосе произнес:

– Иди, отдыхай. Остальным скажешь, что говорили о твоей новой технике. И спасибо за откровенность, с товарищем Сталиным не каждый решается говорить прямо. Все, ступай.

Глава 3

Следующий вызов в Ставку пришел на 10 апреля, но на этот раз тематика заседания обозначена не была. Такие вызовы Северов не любил, спросить могли все, что угодно, а выглядеть перед Верховным не выучившим урок школьником – удовольствие сомнительное. С другой стороны, состоянием дел в армии руководство было довольно, ситуацией командующий владел.

За неделю до вызова командующему ГАОН была поручена проработка вопроса о нанесении авиаудара. О какой конкретно цели идет речь, не пояснялось, требовались лишь максимальные точность и мощность. Было указано также, что необходимо проработать два варианта, наведение по сигналу радиомаяка и без него, только по известным координатам. Сообщалось также предельное расстояние, на котором может находиться цель. Связан ли вызов с этим заданием, не сообщалось.

Когда Олег зашел в приемную, там уже находились Жуков и Василевский. Не успел поздороваться, как Поскребышев пригласил в кабинет. Военачальники вошли и доложили о прибытии, Сталин предложил занять места за столом, где уже сидел только один человек – Берия. Северов был немного удивлен набором приглашенных, все эти люди были гораздо более высокого уровня, чем командующий армией,

пусть и отдельной гвардейской. Это не укрылось от Верховного Главнокомандующего, он улыбнулся в усы и произнес:

– Товарищ Василевский, доложите общее положение на фронтах.

– Товарищ Сталин, наши войска успешно продвигаются вдоль побережья Балтийского моря, взяли Любек и подошли к Гамбургу. Наиболее боеспособные войска противника стянуты к Берлину. Строить серьезные линии обороны противник не успевает, но те, что есть, периодически приходится прорывать, войск для их насыщения пока хватает. Построены они в основном вокруг городов. Однако ожесточенное сопротивление мы встречаем далеко не всегда. С одной стороны, мы жестко подавляем любое сопротивление, средств для этого у нас предостаточно. С другой стороны, всегда даем возможность выйти мирному населению и не проявляем жестокости к сдавшимся в плен. Кроме того, пока на континенте войск союзников нет, так что альтернативы у немцев тоже нет. Либо сдаются нам, либо умирают. Сейчас Петровский проводит перегруппировку сил для продолжения наступления. Попытка контрудара на Шверин силами немецких 11-й и 12-й армий нами выявлена и пресечена, тем более что они были не полного состава. Южнее Берлина наше продвижение идет несколько медленнее, но к пригородам Вены мы выходим. На очереди Будапешт и Прага. В Грецию устремились англичане, спешно высаживают войска в Каламате, это на юге полуострова Пелопоннес, но с правительством Греции

уже проведены переговоры. Подписан договор об использовании нашим флотом военно-морской базы Саламин сроком на девяносто девять лет. Если без подробностей, то, в целом, все.

Наступление немецких армий, пусть и не закончивших переформирование, было, на самом деле, не таким уж и безобидным. Да, шансов что-то изменить не было, все равно передавили бы. Даже локальной задачи – притормозить движение русских – наступление не достигло. Но потери с обеих сторон были ощутимые, немцы – противник серьезный. Наскребли где-то бензина, в воздухе снова появилась немецкая авиация, танковые клинья рвали нашу оборону, вражеская штурмовая пехота вгрызалась в наспех сооруженные позиции войск Рокоссовского. Но это был не 41-й год, и не 42-й, и даже не 43-й. Войсковая ПВО, даже без участия авиации, была очень серьезная. Самоходные и буксируемые зенитные установки не давали немецким самолетам безнаказанно штурмовать войска на марше и на позициях, насыщение ими было очень хорошим. Да и авиация не дремала. Северов задействовал летающие радары, которые плотно контролировали обстановку на средних и больших высотах. Авианаводчики, находящиеся в боевых порядках, и посты ВНОС не давали немцам незамеченными пройти на малых. На полную были задействованы средства РЭБ, предельно осложняя жизнь вражеским локаторам и средствам беспроводной связи. У Рокоссовского было хорошо налажено

взаимодействие родов войск, хватало боеприпасов и топлива, конечно, кому могли подвозить. У немцев был порыв, было отчаяние обреченных, было все. Но против русских это никогда не работало. Да, умирать в самом конце войны, когда до победы осталось совсем немного, очень не хотелось. Но уступить этой сволочи... Пущенная в свое время Северовым фраза «чтобы они нами еще сто лет детей пугали!» неожиданно понравилась и получила широкое распространение (да, сплагатил, так ведь на авторстве и не настаивал). И неполная рота, все, что оставалось от полнокровного полка, поднималась врукопашную, не считая наступающих врагов, резалась ножами, лопатками, штыками. Взятые в плен немцы признавались, что такого ожесточения встретить не ожидали, они на своей земле, все должно было быть наоборот. До них не сразу дошло, что у нас просто накопилось, что это «алаверды по максимуму» в исполнении русских, что «мы не дожили до Победы, но мы прославили страну». Удар немцев пробил нашу тонкую оборону и увяз в опорных пунктах в ее глубине, авиацию противника сожгли почти всю, бронетехнику тоже. Пленных было мало, дорвались славяне.

Сталин качнул трубкой:

– Товарищ Северов, я вам уже говорил, что ранее вы сделали правильное предположение относительно заговора против Гитлера и даже правильно назвали одну из фамилий. Так вот, в настоящее время проводится разработка операции «Молния», целью которой является помощь заговорщикам

в устранении верхушки Третьего Рейха. Нами прорабатываются различные варианты, один из которых нанесение авиаудара по месту, где будет находиться Гитлер. Что скажете?

Олег понял, о какой цели, которую надо поразить с максимальной точностью, идет речь. Уже после войны стало известно, что рассматривались также варианты с бомбой в портфеле, принесенной заговорщиками, и обстрелом поезда фюрера.

– Товарищ Сталин, нанесение высокоточного удара без наведения с земли с приемлемой вероятностью поражения объекта невозможно. Судя по требуемой мощности, речь идет о бункере, но имеющиеся головки самонаведения не могут выделить цель на фоне земной поверхности, тем более в горном районе.

Верховный Главнокомандующий немного помолчал.

– А какую вероятность поражения вы считаете приемлемой?

– Не менее пяти десятых, но при обычной бомбардировке она вряд ли будет более одной десятой. Необходимо задействовать, по крайней мере, несколько сотен бомбардировщиков, но и это не даст гарантии уничтожения хорошо защищенного объекта. Кроме того, попытка такой армады приблизиться непременно вызовет ответную реакцию. Гитлера могут успеть просто увезти, про действия ПВО я не говорю.

– Разрешите, товарищ Сталин? – Берия прихлопнул рукой по лежащей перед ним папке. – Непосредственно перед

совещанием пришел доклад о том, что нашим немецким союзникам удалось передать несколько мощных радиомаяков. Габариты устройства позволили разместить его в большом портфеле, из-за приличной мощности время работы невелико, но минимум четыре часа конструкторы гарантируют. Частота работы маяка находится за пределами прослушиваемого противником диапазона, поэтому зафиксирована быть не должна. После включения маяков нам будет подан кодированный сигнал о начале операции.

– Значит, на внешнее наведение можно рассчитывать, – удовлетворенно кивнул головой Сталин. – Продолжайте, товарищ Северов.

– К условленному времени в готовности № 1 будут находиться тяжелые бомбардировщики. Всего мы имеем четыре изделия, два старых с модернизированной головкой самонаведения и два новых. Самолеты немедленно взлетают и наносят удар, время подлета с учетом всех маневров в пределах двух часов, должно хватить. Помимо четырех мощных бетонобойных изделий задействуем также восемь пятисоток с новой боевой частью и аналогичным наведением. Сложность представляет синхронизация, все большие бомбы должны подойти к цели одновременно, ведь первый же взрыв уничтожит все маяки. Малые бомбы подойдут с небольшой задержкой, секунд десять или около того, их рули после пропадания сигнала маяка будут просто заблокированы. Они должны добить тех, кто еще остался жив в развалинах бун-

кера.

Новая боевая часть представляла собой прообраз боеприпаса объемного взрыва. Восемь бомб, это было все, что успели сделать сотрудники Ивана Филимоновича Сакриера. На испытаниях срабатывала только половина изделий, поэтому о серийном выпуске речи не было, разработка продолжалась и пока не сулила быстрого успеха. Такие бомбы никогда не делали управляемыми, это не имело смысла, но Северов сам вынашивал план нанесения точного удара по защищенному объекту, поэтому и попросил бывшего дивинженера, а ныне генерал-майора инженерно-авиационной службы, собрать несколько устройств. Вот и пригодились.

– Таким образом, непосредственно для нанесения удара будут задействованы пять тяжелых бомбардировщиков. Можно надеяться, что пролет небольшого количества самолетов в стороне от объекта не вызовет немедленной реакции противника, но наиболее удачным представляется вариант, когда сигнал о начале операции будет подан заранее, незадолго до включения маяков. Все-таки полной уверенности в том, что их работа не будет замечена, нет.

Сталин молча походил по кабинету, потом кивнул.

– Операции «Молния» присвоена высшая степень секретности. Больше посвященных в таком объеме нет. – Иосиф Виссарионович махнул рукой в сторону сидящих за столом: – Занимайтесь подготовкой авиаудара, о готовности докладывать немедленно. Вы свободны, товарищ Северов!

Когда командующий ГАОН вышел, Верховный Главнокомандующий еще немного походил по кабинету, посмотрел на карту и спросил:

– Что-то еще, товарищ Берия?

– По имеющимся данным, третья сила, о есть оппозиционные Гитлеру генералы и промышленники, которые не хотят договариваться с нами, нашли контакт с представителями США и Великобритании. Может создаться ситуация, когда они сами ликвидируют Гитлера и начнут переговоры с союзниками.

– Насколько они готовы пойти на такой шаг?

– Процесс в самом начале. Во-первых, собственно устранение фюрера. Есть основания считать, что серьезная подготовка еще даже не начата, рассматривают варианты. Во-вторых, переговоры с нашими... хм... союзниками. Такие дела у них быстро не делаются, демократия. – Берия усмехнулся. – Пока контакты начаты на неофициальном уровне. В общем, не у шубы рукав, время у нас пока есть. Гитлер до сих пор не считает, что ситуация необратима. Он исходит из уверенности, что еще немного – и мы остановимся, а потом покатимся назад. Как он поведет себя, когда до него наконец дойдет, сказать трудно. Но что будет, когда Гитлер осознает имеющиеся реалии?

Сталин уверенно произнес:

– Убеден, что он покончит жизнь самоубийством. Как вариант, подставит вместо себя двойника, а сам попытается

скрыться. Но это менее вероятно. И еще, скорее всего, перед этим он вернется в Берлин. Исходя из этого целесообразно следующее. Пока у наших агентов влияния не все готово, Берлин не окружать. Двигаться северным флангом, в идеале освободить Нидерланды и Бельгию. Думаю, что дальше нам продвинуться не дадут, союзники не дадут. На южном фланге продолжать движение в сторону Италии. Было бы очень неплохо освободить север этой страны, но это мы вряд ли успеем. В любом случае Югославию, Австрию и Венгрию мы включаем в сферу своих интересов. А как только Гитлер будет ликвидирован, замыкать кольцо окружения вокруг Берлина и по западной границе Германии.

Заметив движение своего заместителя, Иосиф Виссарионович спросил:

– А что скажет товарищ Жуков?

– Считаю, что в случае предательства общих интересов союзниками нам следует быть готовыми к самому жесткому варианту развития событий.

– Вы имеете в виду военные действия?

– Так точно, товарищ Сталин! Хотя я лично думаю, что они не решатся. Но готовыми быть надо.

Сталин немного подумал, потом снова кивнул. А маршал продолжил:

– Нашей разведке необходимо сосредоточиться на выявлении контактов немцев с союзниками. Крысы бегут с корабля, они должны искать средства к спасению, не будут же во-

енные преступники просто наблюдать за приближающимся неизбежным финалом.

– Что ж, каждый из вас знает, что надо делать. До свидания, товарищи.

* * *

На следующий день завтракали втроем – Жуков, Василевский и Северов. Все трое были в повседневной форме с орденскими планками, и Олег только сейчас заметил у маршалов планку ордена «Победа». Оказалось, что оба были награждены, пока Северов валялся в госпитале, поэтому и упустил из вида. Еще одним награжденным был сам Сталин. Сейчас готовился указ о награждении орденом «Победа» Рокоссовского, Петровского и Конева. Все трое станут маршалами Советского Союза, указ подписан и в самое ближайшее время будет опубликован. Северов искренне порадовался за этих глубоко уважаемых им людей, что не укрылось от маршалов.

– Хороший ты мужик, Олег Андреевич! – Василевский плеснул себе и Жукову немного водки в рюмки, по этому движению летчик понял, как тот устал. – Давно за тобой наблюдаю, ты за других искренне радуешься и переживаешь. Леонид Григорьевич тебя очень хвалит, да и генералы его тоже. Давай, Георгий Константинович, выпьем за то, чтобы этот генерал маршалом стал.

– Поддерживаю! – Жуков выпил и с удовольствием закусил осетринкой. – Расти и дальше, хорошо у тебя служба идет, умеешь ты нужных людей вокруг себя собрать. С такой командой горы свернуть можно, да ты и сворачиваешь. Мы с Александром Михайловичем следим за новинками, много полезного от твоей армии в вооруженные силы идет. И быстро. Вроде недавно придумали, глядишь – уже до ума довели. Молодец!

– Товарищи маршалы! За добрые слова спасибо, только мне бы притормозиться в росте-то карьерном. Я бы в этой должности посидел, куда уж расти.

– Ничего, справишься, – засмеялся Жуков. – Мы поможем. Скажи лучше, ты и правда жениться собрался?

– Да, только окончания войны дожждаться надо. Дел много, а это теперь не уйдет, чего как голый в баню бежать.

Георгий Константинович помолчал, Олег понял, что он вспомнил Вику Галанину, и помрачнел. Но маршал перемену его настроения уловил сразу.

– Чего нахмурился? Все правильно. Ту девушку ты всю жизнь помнить будешь, но эта память тебе не мешать, она помогать должна. Мы все теперь не только за себя, за всех друзей своих павших живем. Значит, паскудную жизнь вести не имеем права!

Таких слов от небогатого на сантименты Жукова Северов не ожидал, не ожидал и Василевский. Но говорить никто ничего не стал, налили и молча выпили за всех, кто погиб в

боях.

Весь следующий день Олег проработал в наркомате ВМФ и на базу № 1 попал только 4 апреля. Проверил учебу авиагруппы «Москвы» и вылетел на аэродром Пютниц, с которого перескочил уже на аэродром под Любеком.

Адъютант Северова старший лейтенант Востриков тоже побывал в Москве, в приемную к Сталину его, разумеется, не пустили, но в Кремле побывать удалось, так что Александр впечатлился очень сильно. Волнение его Северов заметил и про себя усмехнулся. Все-таки нынешние его современники к некоторым вещам относятся очень серьезно, может быть, даже чересчур. С другой стороны, его как человека, прожившего в постсоветской России, такое серьезное отношение к символам власти не могло не радовать. И вообще, за три года, что Олег провел здесь, он уже сжился с этим временем, нашел здесь замечательных друзей, вот-вот создаст семью. Про просто головокружительную карьеру и говорить не стоит. Нет, здесь ему нравилось гораздо больше, чем в прошлой жизни. И хорошо, что обратной дороги нет.

Вызовы Северова к Сталину для Кутькина были привычны, хотя он командира никогда в Кремль не сопровождал, но восторженный рассказ Вострикова Тимофей выслушал с интересом. Службой в гвардейской части старший сержант искренне гордился, а к своему положению ординарца относился спокойно, с таким беспокойным командиром, каким был Северов, жизнь однообразной не казалась. К тому же за-

служенные боевые награды на гимнастерке показывали всем, что за чужими спинами их обладатель не прятался. Сопровождая Олега в различных поездках, Кутькин видел командующих армиями, фронтами и флотами, о чем и рассказывал Вострикову, с которым успел подружиться. Отдельно Тимофей рассказал о полете в Тегеран, Александр не знал, что Северов принимал участие, причем именно в самой конференции, а не ее обеспечении. Обоим показалась интересной мысль, что когда они состарятся, то будет о чем рассказать внукам. Еще бы, близко видели людей, делавших историю.

Ударно-штурмовые корпуса взламывали оборону противника, в прорыв вводились механизированные соединения, за ними катился настоящий вал, очаги сопротивления надежно блокировались и методично давились. Вот только строить оборону немцы уже не успевали. Если накопать траншей и рвов, настроить ДОТов они еще могли, то войск явно не хватало. Выучка же и насыщение техникой у Красной Армии неуклонно росли. К тому же основной упор немцы сделали на оборону Берлина, а части Красной Армии просто обходили его и двигались дальше. Союзники поняли свою ошибку и спешно готовились к высадке на севере Франции, но явно не успевали. Всем было понятно – не то что Берлин штурмовать, даже к границам Германии они подойти не смогут, Красная Армия раньше управится. Южнее тоже все шло неплохо, хотя и не так шустро. Через вышедшую из войны Словакию наши войска двигались в сторону Вены.

В Венгрии шли напряженные бои, но долго такое напряжение немцы и хортисты выдерживать не смогут, скоро сдуются. По Югославии продвижение шло довольно успешно, маячила перспектива вторжения в Италию, хотя, конечно, не очень близкая. В Греции немецких войск было немного, но они предпочли, не принимая боя, двигаться на северо-запад, где их с распростертыми объятиями ждал маршал Тито со своими партизанами. Но и советских войск в Греции было совсем мало, так что просто обеспечили безопасность вернувшейся королевской семьи и поддерживали порядок в меру сил. В стране шла постоянная борьба за власть, нынешний король Георг II отправлялся в изгнание и возвращался уже три раза. Он шутил, что самая главная вещь для греческого короля – чемодан. Ситуацию там предстояло потихоньку успокаивать, причем в условиях, когда там очень сильно влияние Великобритании.

Для проживания командующего командир дивизии полковник Ларионов выделил две комнаты в расположенном совсем недалеко от аэродрома доме местного помещика. Сам хозяин как активный член нацистской партии отбыл в неизвестном направлении буквально за несколько часов до того, как здесь появились наши войска. Затем передовые части ушли дальше на запад, а в поселке, на окраине которого и стоял дом, расквартировали авиаторов. В одной комнате жил Северов, в другой – Востриков, Кутькин и Самарин. Валера и Рекс шныряли по дому, но спать приходили к хозяину.

Когда поздним вечером Северов пришел в свою комнату, Настя только что пришла из ванной и расчесывала перед зеркалом свои роскошные волосы.

– Совсем у меня домашней одежды нет, только халат этот, – смущенно улыбнулась девушка. – Когда вместе с другими девушками живешь, она вроде и не нужна. А то не в чем из ванной было бы выйти, не будешь же тут в полотенце завернутой ходить.

Халатик, в котором она сейчас была, ей отдала Надя Ма-
линина. Его подарил летчик, который за ней ухаживал, но с размером он очень сильно ошибся. Халат оказался для нее маленьким, так что Надя отдала его своей подруге. Настю немного смущала его длина, намного выше колена, а Северов сразу предположил, что это верх от комплекта. Брючно-го низа не было, но Олегу так даже больше нравилось.

Наконец девушка закончила заниматься со своими волосами и уселась Олегу на колени.

– Настюша, война кончается, самое время подумать, что ты будешь дальше делать.

Летчица пожала плечиками:

– Даже не знаю. И летать дальше хочется, и учиться надо.

– Вот и я об этом. Полеты – дело хорошее, но в военной авиации пусть уж мужики служат. Кроме того, сама понимаешь, что после войны большая демобилизация будет. И думаю, что женщин сократят в первую очередь. Так что надо решать, куда поступать будешь. Ты кем хочешь быть?

Девушка немного задумалась.

– Я же только школу успела окончить в 42-м, все мысли о войне были. В аэроклубе занималась, лучшей в группе была. Мне рекомендацию на У-2 и дали, направили в звено связи. А до войны кем только не хотела быть! И певицей, и учительницей, и детским врачом. Я думала уже над этим. Как посмотришь, если в ЛАИ на приборостроительный?

– А почему в Ленинград?

– Так ведь наша основная база под Ленинградом. Или тебе другое назначение дадут?

– Понятия не имею. Если что, переведешься в МАИ.

– Так ты не против? Я сделаю, как скажешь.

– Не против, – проворчал Северов.

«Вот так, – подумал он. – Как скажу, так и будет. Нет, это, конечно, хорошо, только что-то здесь не то».

Но следующие слова Насти расставили все на свои места:

– Заодно буду к авиации поближе.

– Так вот в чем дело! Тут хитрость военная применена! – воскликнул Северов и засмеялся.

– А что? – невинно удивилась девушка. – Что тут плохого? Я тоже военный летчик и часов налетала прилично!

– Иди ко мне, военный летчик!

Северов поднял Настю и переложил на кровать.

– Так, что тут у нас? Какой пупочек. А какой животик!

– Ой-ой, щекотно!

Рекс на своем матрасике так тяжело вздохнул, что молодые

люди перестали возиться и с удивлением на него посмотрели. Кот тоже поднял голову и лизнул его в нос.

– Ревнует, – прошептала Настя. – Вот чего он ревнует, кот же спокойно себя ведет.

– Завидует, у него-то подружки нет.

Настя захихикала, а потом вернулась к теме:

– Что ты там про животик говорил?

Угомонились часа через полтора, все это время кот и ягд-терьер релаксировали на матрасике, обнявшись и искоса поглядывая на возню хозяина и хозяйки.

К разговору об обучении Насти вернулись следующим вечером. Девушка сказала, что в школе у нее хорошо шли математика и физика, поэтому можно попытаться поступить на мехмат МГУ или матмех ЛГУ, что будет ближе.

– Не очень представляю тебя математиком.

– Ну да, тощая гримза неопределенного возраста в очках – типичная женщина-математик! – звонко смеялась девушка.

– Время есть, давай еще подумаем. Может, с моей дальнейшей службой что-нибудь ясно станет. А выбирать надо серьезно, невозможно же нелюбимым делом всю жизнь заниматься.

– Ты что-то про детей недавно говорил, – хитро посмотрела на летчика Настя. – Сколько ты их хочешь?

– Трех как минимум!

Настя засмеялась:

– Такими темпами я институт нескоро окончу, годам к тридцати.

– А мы не торопимся. И вообще, как жена командарма ты можешь не работать.

– Вот еще! – подпрыгнула девушка. – Домохозяйкой я не буду! Все равно себе дело найду!

– Найдешь-найдешь. Ты лучше скажи, а родителей предупредить о свадьбе ты не хочешь?

– Не хочу! – Настя надула губки. – Я в армию сбежала, они меня отпускать не хотели.

– Я бы на их месте тоже не хотел.

– Ты – другое дело, от тебя и не сбежишь. Нет, скажу, когда поженимся. Тем более что дату свадьбы мы даже примерно не знаем.

– Это да! – вздохнул командарм. – Когда эта война чертова закончится, что там дальше будет...

Но настаивать на встрече с родителями Олег не стал. В конце концов, их мнение его не очень интересовало, свою лапушку он сам будет холить и лелеять.

Насчет холки и лелейки. Пока Северов мотался по морям и странам, лапушка научилась водить мотоцикл и машину. С мотоциклом все получилось достаточно просто, поскольку на велосипеде она ездить умела. Машину она тоже осилила, училась на «Додже» и «Виллисе». Располагаясь на новом аэродроме, ребята из БАО затрофеили DKW RT 125 в прекрасном состоянии и подарили его Северову для Насти. Мо-

тоцикл, видимо, еще довоенного выпуска, был черного цвета, в блестящем лаке и очень легкий, всего 70 кг. Мощность двигателя составляла 6,5 л. с., что позволяло разгоняться до 90 км/ч. Девушка была на седьмом небе от счастья и не могла дождаться по-настоящему теплой погоды, чтобы ездить на нем.

Командир эскадрильи связи гвардии старший лейтенант Елена Кошкина оказалась очень неплохим пилотом, но как командир не без странностей. Обнаружив, что летный состав регулярно совершает утренние пробежки и занимается зарядкой, она тоже стала бегать со своими девушками. Все бы ничего, но если мужчины бегали в бриджах и уже с голым торсом (погода позволяла), то девицы по инициативе их командира бегали в трусах и майках. Вологдин, когда мимо него пронеслась, стуча сапогами, такая стайка, обалдел и какое-то время озадаченно смотрел им вслед. Но Лена на этом не остановилась. Когда летчицы прибежали в расположение, во дворе дома их ожидали ведра с водой. Они скинули одежду и сапоги и с визгом принялись обливаться. Беренс имел с Леной беседу, но та убедила замполита, что за рамки приличий они не выходят, так что каждое утро все повторялось – беготня и визг. Впрочем, далеко идущие планы у такой зарядки все-таки, видимо, были. По крайней мере, понаблюдав за девчачьими упражнениями, Леша Бабочкин стал встречаться с Надей Малининой.

Между тем развязка войны назревала. Советские войска

блокировали Гамбург и продвигались в сторону Бремена. Немцы в блокированных населенных пунктах чаще всего сидели тихо, как мышь под веником, и явно чего-то ждали. Если их пытались атаковать, то отбивались, реже сдавались в плен. Но если их не пытались штурмовать, то сами не стреляли, даже разведку не вели. Активность вражеской авиации была почти нулевой. Летали парами несколько групп экспертов, пытались подловить расслабившихся на почве близкой победы пилотов, но сделать это было непросто. Во-первых, большинство летчиков были довольно опытными и выживать в небе умели. Во-вторых, использование РЛС и неплохо налаженная служба ВНОС делали незаметное появление проблематичным. Потери, конечно, были, но и противников удавалось иногда перехватывать. Такие известные истребители, как Покрышкин, Кожедуб, Алелюхин, Гулаев и некоторые другие, нескольких прищучили, так что свободная охота для экспертов Люфтваффе была делом смертельно опасным.

В благородном деле охоты на охотников отличились и орлы полковника Ларионова. Начальник штаба дивизии гвардии подполковник Бабочкин стал кавалером ордена Суворова 2-й степени. Кавалером ордена Суворова 3-й степени стал и гвардии подполковник Антон Соколов, командир авиагруппы «Москвы», который тренировал своих летчиков на объекте «Платформа». Для награждения их выдернули на два дня в Москву, ребята вернулись полными впечатлений. На торжественном собрании их очень хвалил сам Сталин.

Олег с удовольствием поздравил их с заслуженными наградами, ему и самому было очень приятно видеть, как люди, с которыми он прошел почти всю войну, не только остались живы, но и стали прекрасными профессионалами своего дела, имеют хороший карьерный рост и получают не просто высокие, а полководческие награды. Особенно если иметь в виду, что в этом есть доля и его труда.

Три недели Северов провел на передовых аэродромах. Авиаполки перемещались вслед за уверенно ползущей на запад линией фронта, передовые части вышли на границу Германии и Голландии. Олег совершил несколько полетов на По-7 (новая модификация на базе сухопутного По-3), а также пару раз поднимался ночью на «пешке». Несколько раз летал в качестве пассажира на летающем радаре, управлял в воздухе действиями истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков своей армии, долбивших узел обороны в районе Бремерхафена. Гансы решили сопротивляться, Ставка приказала: гражданских выпустить и пленных не брать. Хорошо прошлись артиллерией, авиация устроила настоящее светопреставление. Выявляли уцелевшие огневые точки и опорные пункты, и все повторялось снова. Мастерились три дня, потом вперед двинулись штурмовые группы, но воевать было практически не с кем. Немногочисленные гражданские вышли заранее и были размещены в близлежащих населенных пунктах. Их обеспечили питанием и всем необходимым, никто не голодал и не мерз, всем нуждающимся оказывали

медицинскую помощь. Все это делалось спокойно, прилюдно, с дальним прицелом. Все увидели, русские пришли на-долго, они заботятся о мирном населении, решают проблемы, но не терпят неповиновения. Чего стоило офицерам не допускать личный состав до неправильных действий, лучше было этим немцам не знать.

28 апреля пришла команда на начало операции «Молния». Олег перелетел на аэродром Бреслау, началась последняя проверка изделий и самолетов. Сигнал радиомаяка появился 29 апреля в 7:35, и Северов дал команду на взлет. Никакого ощущения великости момента, просто ставшее обычным ощущение огромной ответственности и желание сделать дело как положено.

Четыре огромных Ту-10 с изделиями, еще один с управляемыми бомбами объемного взрыва, Ту-2 РБ и восьмерка Пе-5МР плыли в ослепительно синем небе на высоте почти десять километров. В сотне километров восточнее примерно на такой же высоте шел летающий радар под прикрытием двух звеньев истребителей, помогая контролировать воздушное пространство. Сигналы сразу двух маяков четко читались, оставалось надеяться, что за оставшийся час до момента пуска они не пропадут.

Немцы на перехват так и не поднялись, в 15 км до цели бомбардировщики по команде Северова одновременно сбросили бомбы и развернулись на обратный курс. Все, дело сделано. Оставалось лишь ждать. Сигналы маяков пропа-

ли во время, соответствующее расчетному подлетному. Олег передал в эфир условный сигнал об окончании первого этапа операции «Молния».

Первое кодированное сообщение пришло в полдень, оно означало, что бомбы в бункер попали. 29 и 30 апреля немцы вели себя как обычно, довольно вяло сопротивлялись, блокированные в городе или опорном пункте сидели чаще всего тихо, даже не стреляли, немногие соединения, в основном эсэсовцы, яростно огрызались. Отличием от 1945 года известной Северову истории было то, что прорываться немцам было некуда. Не высадились еще союзники во Франции. Немцы явно не знали, что делать, просто умирать им не хотелось, а другой альтернативы сдаче в плен не было. К тому же по всей Германии (не без нашей помощи) распространялись слухи – русские не воюют с мирным населением, не расстреливают пленных, не дают своим солдатам грабить и насиловать, никого не угоняют в жуткую Сибирь и не собираются этого делать. Коммуникации были растянуты до предела и даже сверх того, но передовые части уже вступили в Голландию и подходили к границам Бельгии. Несколько показательно уничтоженных опорных пунктов, пытавшихся оказать сопротивление, были снесены в лучших традициях последнего времени, быстро, жестко, полностью. Немногих пока сдавшихся в плен оставили на месте, голодом не морили, не расстреливали, но требовали поддерживать порядок. Населению и местной гражданской администрации

разъяснили, что, если противник не будет оказывать активного сопротивления, его трогать не будут. Все равно сдадутся, а так жертв будет меньше. Солдаты, хотя и выглядели необычно для европейского глаза, вели себя очень прилично и производили впечатление уверенных в себе профессионалов. Приземистые танки с большими пушками, быстрые и подвижные, самоходная артиллерия и пехота на машинах и бронетранспортерах, в воздухе самолеты, наносящие быстрые и точные удары. На бойцах была удобная форма, жилет с множеством карманов для магазинов с патронами и необходимых мелочей, у солдат штурмовых подразделений – бронежилеты. На контролируемой территории советская военная администрация сразу же начинала заниматься двумя вещами: денацификацией и поиском военных преступников, формированием гражданской администрации, жизнеобеспечением и поддержанием порядка.

1 мая в полдень по радио было официально объявлено о гибели фюрера германской нации Адольфа Гитлера в результате воздушного налета. Разбор завалов продолжался двое суток, останки фюрера с большим трудом были опознаны по Железному кресту. Вместе с ним погибли Геббельс и Борман. Рейхспрезидентом стал Герман Геринг, Рейхсканцлером – Генрих Гиммлер. В тот же день за несколько минут до полуночи радиостанция Берлина открытым текстом сообщила о государственном перевороте. Заговорщики арестовали Рейхспрезидента и Рейхсканцлера и передали просьбу к ко-

мандованию Красной Армии о начале переговоров. Правительства США и Великобритании были извещены о подготовке к подписанию акта капитуляции, союзников просили прислать представителей. В это время войска маршала Рокоссовского замкнули кольцо окружения вокруг Берлина, а войска маршала Петровского, который получил значительные подкрепления, вошли в Данию и Бельгию, полностью заняли Нидерланды.

Две немецкие дивизии и несколько более мелких подразделений, располагавшиеся в Дании, сдались 2 мая 1944 года, капитуляцию генерала Германа фон Ханнекена, командующего немецкими войсками в Дании, принял генерал армии Снегов. Важную роль в подписании акта сыграл военный атташе немецкого посольства в Дании Георг Фердинанд Дуквиц, приложивший немало усилий к тому, чтобы немецкие войска сдались без бессмысленного сопротивления. В Дании, как и во всех оккупированных странах Западной Европы, были коллаборационисты. Еще 29 июня 1941 года было объявлено о формировании Добровольческого датского корпуса «для войны против большевизма». 25 ноября 1941 года Дания присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Корпус был сформирован и воевал на Восточном фронте, отступал вместе с немецкими частями. В конце апреля 1944 года остатки корпуса были частично уничтожены и сдались в плен в районе Гамбурга, несколько сотен человек сумели пробраться в Данию. Датские добровольцы входили также

в состав 11-й добровольческой танково-гренадерской дивизии СС «Нордланд», в которую входил датский 24-й танково-гренадерский полк СС «Данмарк». Остатки дивизии входили в состав сводной группировки, оборонявшей Берлин. В общем, кое-какие вопросы к Дании были, но с этим можно было разбираться не спеша и после войны. А пока наши войска в Дании вели себя очень спокойно и корректно, тем более что страна совершенно не пострадала от боевых действий, их просто не было ни в 1940 году, ни сейчас. Основная масса советских войск ушла с полуострова заканчивать дела в Западной Германии, Бельгии и Голландии, а население стало присматриваться к действиям Советской военной администрации. Уже 5 мая начальствующий Советской военной администрации генерал-майор Тимофеев сделал официальное заявление, в котором разъяснил позицию Правительства СССР по отношению к Дании. Реакция на заявление была ожидаемой – огромное удивление и облегчение, ведь все ждали репрессий, свержения и ареста королевской семьи, организации колхозов, грабежей и бог знает чего еще вплоть до супа из датских младенцев. И вдруг оказалось, что выборами гражданской администрации будут заниматься сами датчане, что восстанавливаются вооруженные силы, полиция и прочие силовые структуры, что никто не собирается ущемлять права короля Кристиана X. Русские занимались разминированием на суше и на море, поиском военных преступников, начали выводить пленных немцев в Германию.

Взамен требовалось лишь сотрудничество.

В Голландии события разворачивались по похожему сценарию. Немцы, которые хотели сопротивляться, уже попытались это сделать и были уничтожены. После получения сообщения о перевороте и подготовке к переговорам, а также разъяснения (как со стороны представителей Красной Армии, так и представителей формируемого нового правительства Германии) сути предстоящих переговоров (полная и безоговорочная капитуляция) оставшиеся немецкие подразделения быстро сложили оружие. Уже 6 мая на аэродроме Скипхол приземлился С-47, на котором прилетела королева Вильгельмина со своим зятем Бернардом принцем Липпе-Бистерфельдским (полное имя Бернхард Леопольд Фридрих Эберхард Юлиус Курт Карл Готфрид Петер Липпе-Бистерфельдский, попробуй произнести и не перепутать). Самолет был штабным С-47 Северова, экипаж по такому случаю придирчиво проверил свою и без того безупречно сидящую форму, самолет был тщательно приведен в порядок, отмыт и вычищен. Командир экипажа потом сказал, что королева оценила, поделилась впечатлением с зятем (летчик понимал английский, королева говорила на нем). Решено было встретить ее с почетным караулом, но никакой специальной роты у Петровского, конечно, не было. Олег, бывший в курсе событий, решил помочь и прислал роту осназа АСС в парадной форме. Форма сидела на ребятах как влитая, тугие мышцы перекатывались под одеждой, румянец играл на

щеках, блестели на солнце боевые награды. Петровский хотел произвести на королеву и ее окружение впечатление, это ему вполне удалось. На переговоры с королевой Вильгельминой о будущем сотрудничестве прибыла миссия во главе с начальствующим Советской военной администрацией генерал-майором Сазоновым. Вместе с ними прибыл и старый знакомый Северова генерал-майор Бобров. Оказалось, что Иван Тимофеевич по своей военно-дипломатической работе был знаком с королевой Нидерландов и королем Бельгии, приходилось раньше встречаться.

Раннее утро 7 мая 1944 года застало Северова и Булочкина на небольшом аэродроме километрах в пятидесяти восточнее Дортмунда. Никакого интереса этот аэродром не представлял, да и базироваться на нем могло всего несколько небольших самолетов. Просто остановились посмотреть, сразу поняли, что к чему, и стали прикидывать дальнейший маршрут. Объект охраняла неполная рота довольно пожилых пехотинцев, вооруженных винтовками и двумя пулеметами «Максим». Единственным средством усиления была 85-мм зенитка, одиноко стоящая на краю короткой взлетно-посадочной полосы в глубокой и широкой длинной канаве. Как объяснил командир роты, старший лейтенант лет сорока пяти, вторая зенитка в пути потеряла колесо и находится в ремонте. А снарядов совсем мало, но до обеда должны подвезти. В общем, типичная тыловая команда. Из-за сложной обстановки, связанной с наличием блуждающих групп

немцев, не все из которых сложили оружие, Северова в поездках теперь сопровождал целый взвод осназа на трех бронетранспортерах. Сам же он теперь перемещался не на «Дodge», а на командно-штабной машине.

Винтик и Шпунтик упростили Северова взять их с собой, очень хотели посмотреть на Бельгию, Голландию и другие интересные места. Олег взял. Теперь эта парочка с интересом изучала брошенные на аэродроме обломки самолетов и прочей техники, а также сарай, в котором располагались, видимо, какие-то мастерские. Победный вопль, который исторг Паша, означал, что удалось найти что-то ценное. А ценным для них было вовсе не какое-то барахло, а инструменты и прочие полезные вещи. Сейчас ребята нашли прекрасный набор инструментов и исправное сварочное оборудование. Петрович, услышав вопль Шпунтика, направился к ним посмотреть на находку, а Северов еще какое-то время изучал карту, затем принялся разглядывать окрестности, улыбаясь своим мыслям о скором окончании войны. Одет он был как обычно, в бриджи и летнюю кожаную куртку, на голове фуражка. В общем, на большого начальника не походил, что, вероятно, и позволило ему выжить в следующие несколько секунд. Северов стоял рядом с окопчиком, в котором неторопливо возился со своим пулеметом расчет из двух солдат, судя по говору – украинцев. Он был довольно длинный и рассчитан был явно на целое отделение, но больше в нем ничего не было. Вид у Олега со стороны был, наверное, весьма

расслабленный, что и обмануло четырех эсэсовцев, бросившихся к ним из-за росших рядом кустов. Они не стреляли в надежде сделать все тихо и не привлекать внимание, шанс у них был неплохой, поскольку расчет «Максима» располагался на приличном удалении от места расположения остальных сил. Немцам непременно все удалось, если бы рядом не оказался Северов. Брать Олега в плен гансы явно не собирались, хотели просто прирезать, но тут уж натура нынешнего генерал-майора и бывшего подполковника ВКС России воспротивилась, и первый нападающий получил хлесткий удар по глазам, а второй – ножом по горлу. Нож Северов успел выхватить из ножен на поясе, после чего свистнул, привлекая внимание остальных, и прыгнул в окоп, где заканчивали возиться оставшиеся два эсэсмана. От удара ногой в челюсть один из них потерял на некоторое время способность соображать, второй получил укол кинжалом в глаз. Лезвие достало до мозга, готов. Пока первый не очухался, короткий удар в сердце. Самый первый нападавший, шипя от боли в глазах, пытался достать пистолет из кобуры. Олег выстрелил ему в голову и оглянулся на поле перед аэродромом. На поле выходили немцы. Много, с танком и бронетранспортерами.

«Гадство! – подумал Северов. – В самом конце войны! Что за жизнь такая, до командарма дорос, а все с ножом, да вот в траншее с пулеметом! Ладно, давай работать».

Окоп располагался на фланге, переть прямо на него немцам было совсем без надобности. Они явно намеревались

пройти по другому краю аэродрома и выйти на шоссе, ведущее на юго-запад. Олег подумал, что они пытаются прорваться дальше на запад, надеясь, что союзники все-таки высадятся во Франции. Из этого следовало, что сдаваться русским они не планируют и на это есть причины. Судя по виду, это сборная солянка из эсэсовцев и армейских, численностью около батальона при поддержке пяти бронетранспортеров, двух тяжелых бронемашин, танка, двух самоходок и какого-то монстра, тип которого Олег пока определить не мог. Танком был PzKpfw VI «Тигр». В этой истории танки вроде несколько отличались от известных Северову по прошлой жизни. Он не настолько хорошо их знал, чтобы быть уверенным. Корпусом тот был похож, а вот башня по форме напоминала таковую от «Королевского Тигра», но в ней располагалась обычная 88-мм пушка длиной 56 калибров. Вообще, в этой истории с танками все получилось несколько не так, как в прошлой. К появлению новых, более мощных немецких танков Красная Армия оказалась готова, что вызвало у немцев большую активность по совершенствованию своей бронетехники. Правда, затеваемые модернизации мешали нормальному серийному производству, поскольку детские болезни лечить не успевали, появлялись новые. А диктат фюрера, требовавшего то установку монструозной пушки, то страдавшего гигантоманией, тоже не добавлял конструкторам позитива. В возившейся сзади наступающих здоровенной хреновине Олег заподозрил «Ягдтигр», хотя был

ли он на 100 % похож на известную ему САУ, непонятно. А вот бронетранспортеры оказались вполне обычными Sd. Kfz.250 и Sd. Kfz.251. Пехотинцы-эсэсовцы шли со «Штурмгеверами» и обычными MP, а армейцы – с MP и карабинами.

Все это великолепие перло из леска, и шансов удержать их не было. Пока Олег заправлял ленту в пулемет, произошло несколько событий. В окоп спрыгнул Востриков и деловито встал за второго номера. Булочкин, Шведов, Глазычев и несколько пехотинцев сиганули в канаву, где стояла одинокая зенитка, ее расчет, до этого спокойно завтракавший рядом, уже возился с оружием, опуская его ствол к горизонту. Командир отдал какую-то команду, так как четыре человека метнулись немного в сторону, видимо, к ящикам с боеприпасами. В эту же длинную и глубокую канаву съехали все три БТРа, только башни торчали. КШМ укрылась за каменными домиками, и Олег был совершенно уверен, что сообщение о внезапной атаке в эфир уже ушло. Пехота спешно занимала позиции, но добрались не все, танк и немецкие бронетранспортеры поливали из пулеметов, не жалея патронов. Окоп, в котором находился Северов, был неплохо укрыт развалинами какого-то каменного строения и кустами, к тому же находился на фланге наступающих, так что немцы его заметят не сразу. Мысль о том, чтобы спокойно отсидеться или уйти подальше и переждать, пока гансы просто пройдут, даже в голову не пришла. Его ребята уже приняли бой, здесь сражаются все, от командарма до рядового, без вари-

антов. Старина «Максим» с упоением вгрызся в ряды наступающих, захлопала зенитка, причем с такой скоростью, что у Олега создалось впечатление, что стреляет как минимум целая батарея. Расчет лупил как из пулемета, выстрел каждые две-три секунды. Среди пехоты и бронетранспортеров встали кусты разрывов, пару раз росчерки вошли в лобовую броню танка и одной из самоходок. Те стреляли в ответ, но снаряды либо рвались с недолетом, либо перелетали канаву. Крупнокалиберные пулеметы наших БТРов прошлись по легкобронированной технике противника, шансов у которой не было совсем, бронетранспортеры встали все, пехоту также проредили основательно. Но все три БТРа получили минимум по одному снаряду, немцы стреляли хорошо, орудия у них были мощные. Монстр тоже пару раз бухнул из своей пушки, но взрывов не было, из чего Северов заключил, что стреляет он болванками. Пытаясь объехать какое-то невидимое препятствие, «Ягдтигр» повернулся, пару раз дернулся и встал. Попаданий в него не было, видимо, что-то сломалось. Зенитка перестала стрелять, наверное, кончились снаряды. Быстро кинув взгляд вбок, Северов заметил бегущих от нее Булочкина и механиков. Буквально через десять секунд орудие накрыли сразу несколькими попаданиями. Из окопов и из канавы стреляли пехотинцы и осназовцы, второй пулемет пехотинцев был разбит прямым попаданием. Бронетехника противника увеличила скорость и несколько обогнала пехоту, за что и поплатилась. И у осназовцев, и у пе-

хотинцев имелись гранатометы, которыми они немедленно воспользовались. Одна САУ уже была уничтожена зениткой, у «Тигра», похоже, заклинило механизм поворота башни. До окопов он дополз, но ему вlepили гранату прямо в борт. Последняя самоходка благополучно перебралась через окоп и устремилась дальше. Преодолеть ей удалось метров сорок, когда еще одна граната вошла прямо в корму. Наконец к окопам подобралась пехота. Олег был несколько удивлен, что под плотным огнем немцы перли не пригибаясь и не пытаясь залечь. Когда они подошли поближе, стало ясно, что они то ли пьяные, то ли обдолбанные, по крайней мере эсэсмены, простая пехота держалась чуть сзади. Пулемет Северова выплюнул последнюю ленту и замолк, стрелять по немцам из пистолета Олег не стал, понимая, что сейчас произойдет. И точно, когда до окопов осталось метров тридцать, эсэсовцы рванулись вперед, навстречу им сначала полетели гранаты, а затем выскочили немногочисленные оставшиеся в живых пехотинцы и осназовцы. Олег и Александр, схватив лопатки убитых пехотинцев, тоже выскочили из окопа и бросились вперед. Немцев было гораздо больше, но русские уже остервенели и не думали о сохранении своих жизней. Когда противники смешались, стрельба прекратилась, слышны были только яростные крики дерущихся. Хотя пожилые пехотинцы не производили впечатление серьезных рукопашных бойцов, многие действовали весьма профессионально. Винтовки с примкнутыми штыками в руках солдат, которых учили,

наверное, еще в рядах царской армии, были грозным оружием. Удивил их командир, старший лейтенант бился шашкой! Прежде чем его смертельно ранил из пистолета немецкий офицер, он зарубил трех противников. Впрочем, через несколько секунд Винтик разрубил тому шею лопаткой. Рядом с ним производил опустошение в рядах противника генерал Булочкин. В одной руке у Петровича был пистолет, в другой небольшой лом, которым он махал ненамного медленнее, чем погибший старлей шашкой. Исход был понятен, сейчас немцы подавят сопротивление немногих оставшихся противников и пойдут дальше. Не прошли, сломались раньше. Северова будто кто-то под руку толкнул, он остановился и оглядел поле боя.

Все оно было густо усеяно телами немецких солдат, рядом с ними стояли оставшиеся в живых. На коленях, с поднятыми или сцепленными на затылке руками. К Олегу Петровичу осторожно подходил офицер, протягивая перед собой пустые руки.

– Оберст-лейтенант Нойманн! – представился он. – Пожалуйста, прекратите эту бойню, мы сдаемся.

Из рассказа подполковника стало понятно, что их группа действительно намеревалась пробиться во Францию и сдать союзникам. Какой-то шанс у них был, хотя и невеликий. Заправлял всем оберфюрер СС Крамер, валяющийся сейчас с разбитым черепом рядом со своим танком. Вылез, когда танк подбили, и получил от Шпунтика разводным ключом по

кумполу. У Нойманна и многих других никакого азарта бежать во Францию не было, но попытавшиеся возразить майор и обер-лейтенант были без разговоров застрелены, после чего остальные несогласные притихли. Эсэсовцы действительно были пьяные, а некоторые, по словам Нойманна, еще и какие-то препараты принимали. Этим, наверное, и объясняется странный рывок их бронетехники вперед пехоты к нашим позициям.

Монстр, замерший на краю поля, действительно оказался одним из экспериментальных образцов «Ягдтигра». После поломки трансмиссии он так и остался стоять, а стрелять не мог, так как был повернут в сторону, а башни у него не было, только неподвижная рубка. Так что повернуть пушку в сторону противника экипаж не мог и сдался вместе с остальными.

В живых остались всего одиннадцать пехотинцев и семь осназовцев Северова, а также Булочкин, Шведов, Глазычев, Востриков и Кутькин. Все были ранены, но раны были нетяжелые. Получившие более серьезные ранения почти все умерли, в живых пока оставались только трое, из них у двоих шансов не было совсем. Одним из них был старший лейтенант.

КШМ в ходе боевых действий не пострадала, так что, когда прилетела целая эскадрилья штурмовиков, атаку им запретили. Еще через полчаса подошла рота мотопехоты, которой и сдали пленных, их оказалось 127 человек. Неожиданно

данно приехал Лестев, он оказался неподалеку и сразу направился к месту боя. С облегчением увидев живых Булочкина и Северова, заверил их, что похороны погибших организует сам, а пока настоятельно просит проехать в ближайший госпиталь.

Олегу проткнули и прострелили в двух местах правый бок и в трех левый, были несколько довольно глубоких порезов на руках. Раны в боках оказались неглубокие. Те, что выше, просто скользнули по ребрам. Две пониже до внутренних органов также не достали. У Шведова и Глазычева нашли сквозные в мышцах рук, у Андрея пуля пробила левый бок навывлет, не задев ничего внутри, а у Паши заплыл правый глаз, попало прикладом. Незначительных порезов хватало и у других, в том числе у Булочкина, но Петровичу досталась другая печаль. Один из уничтоженных им эсэсманов совсем, видимо, ничего уже не соображая, вцепился мертвой хваткой ему в уши. Оторвать не оторвал, но и без того оттопыренные локаторы генерала сильно покраснели и увеличились в размерах. После обработки его зеленкой, а убиенный эсэсовец сначала царапался, как кошка, генерал стал походить на Шрэка. Петрович внимательно изучил себя в зеркало, после чего принялся долго и захлеб хохотать:

– Меня теперь можно к немцам на переговоры посылать, сдаваться будут сразу.

Глава 4

Ночь пришлось провести в госпитале, а наутро 8 мая 1944 года пришел приказ Ставки командующему гвардейской армией особого назначения прибыть в Потсдам, где ожидается подписание акта о капитуляции. Пришлось ехать, попросив Булочкина присутствовать на похоронах осназовцев. С Олегом хотели поехать неизменные Кутькин и Востриков, но они тоже были ранены, и Северов оставил их в больнице. Правда, им удалось подготовить командарму форму, поскольку та, в которой Олег принял бой, пришла в совершенную негодность и появляться в таком виде перед командованием и союзниками было нельзя. Под кителем с двумя Золотыми Звездами и орденскими планками было намотано такое количество бинтов, что хватило бы на средних размеров мумию, но придавал сил сам факт, что придется, возможно, присутствовать при подписании акта о капитуляции Германии. Что конкретно он должен делать, Олег не знал. Оказалось, что ничего, просто присутствовать. В 19 часов Олега пригласили на телефонный разговор со Сталиным. Верховный ему даже пенять не стал на последнюю выходку, сказал только, что на эту тему поговорит лично при встрече, его голос не предвещал ничего хорошего. И приказал присутствовать на подписании акта, вместе с несколькими другими командармами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.